

ЧАСТЬ II.

ГЕРОИНИ.

Желая прослѣдить процессъ развитія женской половины русскаго общества, насколько онъ отразился въ нашей литературѣ, мы будемъ держаться тѣхъ-же источниковъ и порядка, какъ это дѣлали въ статьѣ о представителяхъ своего времени.

Какъ скоро рѣчь зайдетъ о женщинѣ—русской, или не русской,—это все равно,—сейчасъ чувствуешь себя въ области любви. И это весьма естественно, потому что потребность любви лежитъ главнымъ двигателемъ въ природѣ женщины. Мужчина, по своимъ физическимъ свойствамъ, можетъ и долженъ заботиться о добычѣ средствъ къ жизни, объ обстановкѣ ея и общественномъ устройствѣ. Женщина прежде всего создана, чтобы быть матерью, т. е. любить мужчину, родить и любить дѣтей. Можетъ быть нетерпѣливый читатель упрекнетъ насъ въ узкости взгляда и тѣхъ рамокъ, которыя мы отводимъ женской дѣятельности, но мы полагаемъ, что онъ упрекнетъ насъ преждевременно. Мы ставимъ во главѣ и цѣли всего нашего существованія жизнь и ея требованія, потому что важнѣе этого для человѣка и человѣчества ничего и не видимъ; но требованія жизни велики и неограниченны: всѣ наши успѣхи, все развитіе, открытія,

добытыя опытомъ тысячелѣтій,—не только не удовлетворили еще самыхъ насущныхъ жизненныхъ требованій, но напротивъ, по мѣрѣ развитія челоуѣчества, эти требованія увеличиваются и всѣ труды всей массы людей никогда не насытятъ жажды этой разрастающейся гидры. Точно также опредѣляя назначеніе женщины преимущественно обязанностью матери, мы думаемъ, что требованія, налагаемая этимъ назначеніемъ, такъ обширны, что всѣ настоящія стремленія въ женщинѣ къ образованію, независимому положенію, самостоятельному труду и общественной дѣятельности,—суть только начатки къ разумному выполненію своей задачи,—задачи какъ члена общества, подруги и сотрудницы мужчины, родильницы и первой воспитательницы будущихъ матерей и гражданъ. Мы полагаемъ, что, опредѣляя такимъ образомъ задачу женщины, мы отнюдь не стѣсняемъ раму ея дѣятельности и затѣмъ приступаемъ къ нашему изслѣдованію и погружаемся прежде всего въ море любви.

I.

Софья Фамусова.

Передъ нами Москва. Ранее утро въ барскомъ домѣ, но въ немъ уже не спятъ, или, лучше сказать, не спятъ еще иные. Горничная, дремавшая на стулѣ—просынается и стучитъ въ запертую дверь своей барышни, которая,—о ужасъ!—сидитъ тамъ съ мужчиной и медлитъ съ нимъ разстаться. Если Жюльетта выходитъ ночью къ Ромео и даже, говоря возвышеннымъ языкомъ,—лобзается съ нимъ,

это не оскорбляет и ханжу: тамъ, въ Итали, между какими-нибудь Монтекки и Капулетти оно можетъ быть такъ и слѣдуетъ. Но въ Москвѣ, въ хорошемъ домѣ, свѣтская дѣвушка, проводящая ночь съ мужчиной,—это не только «исторія», а «сконпель истоаръ», какъ выражалась дама, приятная во всѣхъ отношеніяхъ. Сконпель истоаръ дѣйствительно и происходитъ, но насъ не она занимаетъ.

Мы сейчасъ замѣтили, что сужденія объ одномъ и томъ же случаѣ бываютъ различны, смотря потому гдѣ, съ кѣмъ и въ какое время онъ произошелъ и кто судить; а потому посмотримъ, кто вышелъ на зарѣ изъ запертой комнаты. Выходитъ хорошенькая, молодая дѣвица высшаго круга—Софья Павловна Фамусова, съ нѣкіемъ мужчиной. Софья Павловна получила воспитаніе «какъ всѣ», т. е. какъ всѣ дѣвушки ея средствъ и круга

Ужъ о твоёмъ ли не радѣли
Объ воспитаніи съ колыбели?

говорить ей нѣжный отецъ

Мать умерла,—умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать

воспитательницу-совершенство, которая имѣла одинъ недостатокъ, что

За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не въ мадамъ сила
Когда въ глазахъ примѣръ отца.

Дѣйствительно, отецъ, окружающая среда—все благообразно и нравственно по наружности. Но

развѣ и Софья по наружности не нравственна? Она ничѣмъ не высказываетъ своей любви къ избранному,—она и избрала его, можетъ быть, потому, что это человѣкъ домашній, съ которымъ все можетъ быть шито и крыто и, какъ видимъ, скрываетъ все очень хорошо: любовныя встрѣчи назначаетъ ночью и не только дверь запирается для этого, но и становится на часы преданная горничная. Слѣдовательно, почтенный Павелъ Аванасьевичъ напрасно кричитъ на Софью:—примѣръ не пропалъ даромъ,—и дочка его хоть и рискуетъ нѣсколько (нельзя же гребовать въ 17 лѣтъ большаго благоразумія и осторожности!), но наружною нравственностью весьма дорожить. Затѣмъ, что еще можно сказать о Софьѣ? Да красивая московская барышня,—и ничего болѣе! Конечно по свѣтскому уставу, назначеніе всякой барышни вообще и московской въ особенности—выйти хорошо замужъ и для этого уловлять въ свой свѣти жениха, пріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ, но

Люби всѣ возрасты послушны

и мы не бросимъ камня осужденія въ хорошо развитую 17-ти-лѣтнюю красавицу, которая, прежде замужества, пробуетъ силы, такъ сказать in partibus infidelium. Но «мѣркою достоинства женщины можетъ быть мужчина, котораго она любитъ», сказалъ Бѣлинскій. Кто же этотъ мужчина, этотъ избранный Софьи, для котораго она рискуетъ своей доброй славой?

Молчалина знаетъ всякій и распространяться о немъ нечего:—это нравственный лакей, самаго ла-

Кто же
это такой
человекъ?
встрѣчи?
я медведь
самая тайна
на ф. т. м. о.
дурале!
мучил!

кейскаго сорта, сказали бы мы, если-бы не боялись обидѣть всѣхъ порядочныхъ лакеевъ. Но... бывали, говорятъ, случаи, что наши прабабки, запертыя въ теремахъ, наши бабки, жившія однѣ въ деревенской глуши, снисходили и до смертныхъ, стоявшихъ на общественной лѣстницѣ не выше запятокъ. Да и у насъ ли однихъ? Конечно, въ этомъ случаѣ у бѣдныхъ женщинъ не доставало силы противиться побужденіямъ чисто физическимъ, но виноваты ли онѣ, если требованія общества такъ сложились, что въ то время, когда молодые люди отдають свои лучшія силы горничнымъ, или женщинамъ гораздо худшаго ремесла,—на дѣвушку, полную жизни и здоровья падаетъ неизгладимое пятно за незаконную связь не только съ человѣкомъ низшаго общественнаго слоя, но и со всякимъ мужчиной!

Однако же, въ наше время повѣрки общественныхъ мнѣній, справедливость требуетъ сказать, что и съ чисто физиологической стороны женщина должна быть гораздо разборчивѣе въ своемъ выборѣ, чѣмъ мужчина, ибо вліяніе развитости родителей на способности ребенка уже достаточно • доказано новѣйшими наблюденіями. Смотри на вопросъ съ этой точки зрѣнія—мужчина при связи своей съ ниже его по нравственному развитію стоящей женщиной оказываетъ на происшедшаго отъ этой связи ребенка благотворное вліяніе—онъ его возвышаетъ до себя; женщина же напротивъ при связи съ менѣе развитымъ мужчиной унижаетъ, низводитъ качество своего плода. Такимъ образомъ, установившееся мнѣніе свѣта—болѣе строгое къ женщинамъ,

нежели мужчинѣ, имѣеть касательно ея выбора свое оправданіе и право.

«Предразсудокъ—онѣ обломокъ старой правды», сказалъ намъ Гамлетъ-Баратынскій и наука въ этомъ случаѣ подтверждаетъ то, что кажется предубѣжденіемъ. Поклонники установившейся нравственности, можетъ быть, сочтутъ съ нашей стороны дерзостью даже и разборъ такихъ общепринятыхъ, патентованныхъ и привилегированныхъ понятій, какъ тѣ, которыхъ мы коснулись, но по крайней мѣрѣ, они отдадутъ намъ справедливость, что мы относимся къ этимъ понятіямъ добросовѣстно и безъ предупрежденія. И такъ, Софья Павловна погрѣшила не только противъ условныхъ общественныхъ понятій, избравъ предметомъ своей склонности Молчалина, человѣка какого-бы то ни было класса, но самаго низкаго развитія,—она погрѣшила и противъ требованій болѣе разумныхъ и основательныхъ. Если она жива — а мы въ этомъ не сомнѣваемся, да и каждому до днесъ случается встрѣтиться съ Софьями Павловнами,—то она не можетъ сказать, что мы грешимъ противъ нее тѣми истрепанными „благородными“ фразами и съ тѣмъ жаромъ, которыми „о чести высокой говорить“ извѣстный ея знакомецъ Репетилловъ, и должна будетъ согласиться, что мы стараемся смотрѣть покойно и безпристрастно. Но какъ ловкая барышня, она, конечно, возразить, что мы говоримъ „Богъ знаетъ о чемъ“, что она любила Молчалина весьма чисто, и если имѣла неосторожность заператься съ нимъ по ночамъ, то занималась тамъ дуэтами самаго невиннаго свойства. Мы однакоже очень

удивимъ Софью Павловну Фамусову и другихъ Софій Павловенъ, если скажемъ, что обстоятельство, которое оно приводитъ въ свое оправданіе, въ нашихъ глазахъ еще болѣе обвиняетъ ее, если мы ей отвѣтимъ: вы тѣмъ болѣе виноваты, что ваша любовь была, какъ вы говорите, самаго невиннаго сорта. Дѣйствительно, если бы м-ле Фамусова не сладила съ побужденіями чисто матеріальнаго свойства и отдалась хотя бы Молчалину,—мы бы пожалѣли объ ней и пожалѣли о тѣхъ условіяхъ, которыя помѣшали ей болѣе свободному и разумному выбору,—но нѣтъ! Она сладила и борется успѣшно съ этими побужденіями,—она прикрываетъ и полуудовлетворяетъ ихъ общеніями чисто нравственнаго свойства. Но съ кѣмъ-же бесѣдуетъ и толкуетъ, чьимъ обществомъ наслаждается она?—Молчалина, этого прототипа подлости, пронирыливости и тупоумія! Молчалинъ, въ ослѣпленіи чувственнаго порыва, могъ быть допущенъ, какъ любовникъ неопытной дѣвушки;—его, по выраженію Чацкаго, на это станетъ и можетъ къ тому же онъ былъ красивый мужчина, но Молчалинъ—предметъ любви, ограничивающейся умственнымъ общеніемъ, Молчалинъ, воплощеніе нравственнаго идеала дѣвушки, это позоръ и безобразіе, это паденіе, ниже котораго мы ничего не можемъ придумать! О любовницѣ Молчалина мы бы пожалѣли, влюбленную въ Молчалина мы презираемъ! Посмотримъ-же, каковы должны быть наследственные качества, развитіе и строй окружающаго общества, которые низводятъ дѣвушку до такого унижительнаго ничтожества.

Природными качествами Софья Павловна уро-

дилась въ мать; Фамусовъ самъ, въ минуту огорченія, выразился, что

Ни дать, ни взять, она
Какъ мать ея, покойница жена.
Бывало я съ дрожайшей половиной
Чуть врозь:—ужь гдѣ нибудь съ мужчиной.

*Вот
Софья*

Нравственными-же взглядами, судя по ея выбору, наградила ее почтенный родитель. Она растеть вмѣстѣ съ умнымъ, бойкимъ и способнымъ мальчикомъ Чацкимъ и между ними начинается дѣтская любовь. Но мальчику, едва онъ обратился въ юношу, показался душень и тѣснѣ этотъ домъ и онъ вырвался изъ него. Софья остается съ мадамъ Розье и отцемъ и развивается подъ благотворнымъ вліяніемъ наемной француженки, учителей,—«числомъ побольше, цѣною подешевле»—и дорогого родителя. Влекомый возобновившимся чувствомъ Чацкій, ставъ на свои ноги, возвращается къ Софьѣ „влюбленнымъ, взыскательнымъ и огорченнымъ“, и мы охотно вѣримъ послѣднимъ эпитетамъ, потому что не нужно быть очень требовательнымъ, чтобы остаться недовольнымъ обстановкою и развитіемъ, въ которыхъ онъ нашелъ свою возлюбленную. Онъ уѣзжаетъ странствовать, учиться, а дѣвушка, кончившая весьма необширный курсъ наукъ, брошенная гувернанткою, сманенной за лишнихъ 500 рублей, остается со вдовцемъ родителемъ полновластною хозяйкою. Въ этомъ домѣ живетъ чиновникъ и нахлѣбникъ ея отца, вытасенный имъ, по его выраженію, изъ грязи—Молчалинъ, но остающійся вполнѣ грязнымъ въ нравственномъ отношеніи. И вотъ, дѣвушка, въ ожиданіи жениха, вздумала за-

няться этою дрянью. Каковы должны быть скука, бездѣлье, уровень понятій, нравственное развитіе дѣвушки, чтобы ей пришло въ голову заняться подобнымъ господиномъ? Мы говоримъ, ей пришло въ голову потому, что Молчалинъ, конечно, въ этомъ нисколько не виноватъ; онъ не смѣлъ поднять глаза на дочь своего начальника, онъ зналъ, что любовь съ нею не доставитъ ему ничего, кромѣ хлопотъ и можетъ кончиться изгнаніемъ по шеѣ въ старую грязь. Но и противиться Софѣ онъ не смѣетъ; онъ любитъ ее какъ справедливо выразился „по должности“ и ни минуты не забывается:

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ.

Изъ глубины души вздохнетъ;

Ни слова вольнаго и такъ вся ночь проходитъ.

Рука съ рукою и глазъ съ меня не сводитъ,

повѣствуетъ Софья своей горничной, которая не удержалась, чтобы не расхохотаться надъ такимъ препровожденіемъ времени, потому что, дѣйствительно, глупѣе ничего придумать нельзя... Софья командуетъ, Софья назначаетъ свиданія и ей, конечно, пришлось и вызвать Молчалина на эту любовь. Все это показываетъ тайный полуразвратъ, смѣлость и совершенное отсутствіе всякихъ строгихъ понятій о требованіяхъ жизни въ семнадцатилѣтней дѣвушкѣ. А посмотрите, какъ она въ то же время ловко и съ какимъ тактомъ держитъ себя въ свѣтѣ, какъ умѣла отклонить навязчивость и даже одурачить такого человѣка, какъ Чацкій! Чѣмъ она не «прекрасная», въ свѣтскомъ смыслѣ, дѣвица, чѣмъ не отличная невеста? Правда, любовь, или, лучше сказать, развратное занятіе,—потому, что

совѣстно называть любовью подобныя отношенія къ подобному человѣку, — какъ они ни скрыты отъ свѣта, не могли не отозваться на образѣ мыслей Софьи. Мы очень невысокаго мнѣнія о томъ нравственномъ состояніи, въ которомъ была она до знакомства съ Молчалинымъ, но не можемъ себѣ представить, чтобы у молоденькой дѣвочки, хотя бы воспитанной какъ Софья, сложился такой идеаль мужины, будущаго возлюбленнаго и мужа, какимъ восхищается потомъ Софья. Любовь, говорятъ, слѣпа, она не видитъ, или скрашиваетъ недостатки въ любимомъ человѣкѣ, но послушайте какъ сама Софья отзывается о Молчалинѣ:

Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ приобрѣлъ;

При батюшкѣ три года служить;

Тотъ часто безъ толку сердить

А онъ безмолвіемъ его обезоружить.

Отъ доброты души простить.

Веселостей искать бы могъ—

Ничуть: отъ старичковъ не ступить за порогъ.

Мы рѣзвимся, хохочемъ—

Онъ съ ними цѣлый день: засядетъ—радъ не радъ—

Играетъ...

Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума.

Что геній для иныхъ, а для иныхъ—чума

весьма зло замѣчаетъ она Чацкому

Да этакій-ли умъ семейство осчастливить

Чудеснѣйшаго свойства

Онъ, наконецъ, уступчивъ, скромень, тихъ,

Въ лицѣ ни тѣни безпокойства

И на душѣ проступковъ никакихъ...

Не правда-ли, что подобный идеаль могъ быть подготовленъ; но не могъ сложиться даже у пустѣй-

шей свѣтской барышни, если-бы растлѣвающее общеніе съ Молчалинымъ не низвело ее постепенно до него. Она могла не любить Чацкаго, она совершенно справедливо замѣтила, что такой умъ какъ его не обѣщаетъ семейнаго счастья, и счастья особенно по ея требованію, она могла думать и прежде, что

Если любить кто кого

Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

Но, чтобы снизойти и не только примириться, но оправдывать и полюбить такое ничтожество, какъ Молчалинъ, даже въ ея прикрашенномъ изображеніи,—до такой степени ничтожества свѣтской и сколько-нибудь воспитанной дѣвушки можно дойти только постепеннымъ паденіемъ. Причиной этого паденія, причиной ея любви къ Молчалину, были, какъ мы видимъ, родовыя склонности, воспитаніе и совершенное бездѣлье и скука. Дѣвушка въ подобномъ положеніи, если нѣтъ никого подъ рукою, начинаетъ развлекаться даже такимъ нравственнымъ лакеемъ, какъ Молчалинъ, увлекается далѣе и далѣе и, наконецъ, начавъ отъ скуки, отъ неумѣренныхъ занятій и серьезными стремленіями физическихъ побужденій, она падаетъ до того уровня, на которомъ мы находимъ Софью. А между тѣмъ, при этой низости понятій и совершенномъ нравственномъ растлѣніи, какъ остался невредимъ весь наружный свѣтскій блескъ! Какъ Софья кажется по наружности нравственно чиста и строга, какъ ее уважаютъ въ обществѣ, какъ все довольны ея развитіемъ, умомъ и тактомъ. И даже самъ Чацкій, выслушавъ ея сужденія о Молчалинѣ, принимаетъ ихъ

за иронию и шутку. Таковы гниль, ничтожество и и развратъ внутри, и таковы отношенія, такой кругъ дѣятельности—если только была въ немъ какая-нибудь дѣятельность—и возрѣнія ея общества, что эта гниль, даже не скрываема (кромѣ тайныхъ свиданій), ничемъ не рѣжетъ глазъ и никого, кромѣ Чацкаго, не поражаетъ. Вотъ каковы были развитіе, мнѣнія, занятія свѣтской дѣвушки и требованія относительно ея общества во времена, изображенныя въ «Горе отъ ума» и въ кругу, имъ описанномъ. Затѣмъ, предоставляемъ наблюдательнымъ свѣтскимъ людямъ судить, какъ далеко отъ Софьи Павловны ушла съ тѣхъ поръ въ своемъ развитіи, взглядахъ и образѣ дѣятельности современная дѣвушка подобнаго круга.

Но очеркъ нашъ былъ бы не полонъ и причины, руководившія Софьей Павловной въ ея выборѣ, не всѣ исчерпаны, если-бы мы не упомянули объ одной чертѣ, ясно проглядывающей въ женскихъ характерахъ, выведенныхъ въ замѣчательнѣйшей общественной комедіи.

Читатель улыбнется, если мы скажемъ, что Софья Павловна, какъ и другія грибоѣдовскія дамы и дѣвицы, стремятся къ тому, что нынѣ называютъ эмансипаціей, стремятся къ женской свободѣ и независимости.

Да, это несомнѣнно. И то еще замѣчательнѣе, что женщины того времени были гораздо требовательнѣе нынѣшнихъ. Нынче женщина мечтаетъ, какъ о высшемъ идеалѣ,—о равенствѣ съ мужчиной: тогдашняя женщина этимъ недовольствуется. Она хочетъ господствовать надъ мужчиной и даже

достигаетъ этого. Средство ею употребленное очень просто: она избираетъ мужа изъ людей тѣхъ свойствъ, которые смѣло полѣзутъ на заряженную пушку, но противъ мало-мальски настойчивой и ловкой женщины опускаютъ руки. Примѣровъ такихъ мужей мы видимъ нѣсколько въ комедіи: таковъ бывший гусаръ и хватъ Платонъ Михайловичъ Горичъ, котораго хорошенькая жена въ полгода превратила въ тряпку. Таковъ князь Тугоуховскій, до глубокой старости состоящій на посылкахъ у жены. Чацкій очень хорошо подмѣтилъ этотъ способъ освобожденія, придуманный московскими женщинами, сказавъ что:

Мужъ мальчикъ, мужъ слуга изъ жениныхъ пажей —
Высокій идеаль московскихъ всѣхъ мужей.

И очень можетъ быть, что Софья Павловна, занявшись отъ нечего дѣлать Молчалинымъ, впоследствии стала подумывать о немъ, какъ о мужѣ, именно потому, что онъ безъ хлопотъ обѣщаль олицетворить московскій идеаль мужа-лакея и выкупаль этимъ недостатки рожденія, что сбудется рѣченное Чацкимъ: Софья помирится съ Молчалинымъ, примирится съ нимъ и Фамусовъ, согласится на бракъ его съ дочерью, будетъ общими съ ней силами выводить въ люди зятя и, судя по качествамъ Молчалина, нѣтъ сомнѣнія, легко въ этомъ успѣетъ и въ Москвѣ будетъ одной счастливой парой и одной свободной женщиной болѣе!

Такова свѣтская дѣвушка и ея первыя патріархальныя попытки къ господству и освобожденію, которыя мы видимъ въ нашей литературѣ.

II.

ТАТЬЯНА.

Изъ великосвѣтскаго московскаго круга мы переносимся въ деревенскій домъ помѣщика средней руки. Старикъ-отецъ умеръ, но у него осталась вдова хозяйка, женщина опытная, и двѣ дочери. ^{Старшая} Старшая дочь—румяная, простодушная, веселая и бѣлокурая Ольга—ничѣмъ не замѣчательна. Не такова сестра ея Татьяна:

Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,

она тотчасъ представляется намъ одной изъ тѣхъ темно-русыхъ, блѣднолицыхъ (но не болѣзненныхъ) русскихъ дѣвушекъ, которыя въ чувствахъ и жизни шутить не любятъ. И дѣйствительно, трудно себѣ представить болѣе вѣрный и цѣльный типъ русской деревенской дѣвушки, чѣмъ Татьяна. Ее воспитывала не мадамъ Розье, а крѣпостная няня. Оглядывая безстрастнымъ взглядомъ это вымирающее племя нашихъ старыхъ нянекъ и не позволяя себѣ увлекаться сердечными влеченіями, сохраненными съ дѣтства, мы должны сознаться, что съ строгой точки зрѣнія эти воспитательницы представляютъ много уродливаго и вредно вліяющаго на понятія ребенка. Онѣ прививаютъ ему тьму предрасудковъ, развиваютъ своими разсказами воображеніе на счетъ ума и, что всего хуже, съ издѣтства прививаютъ ему вмѣстѣ съ религіознымъ фетишизмомъ и нетерпимостью крайнее и слѣпое преклоненіе передъ

всякимъ установившимся взглядомъ и всякимъ авторитетомъ. Но, несмотря на это, мы бы скорѣе отдали на руки своихъ дѣтей—если-бы они были у насъ,—этимъ крѣпостнымъ старухамъ, нежели вручили ихъ какой-нибудь сухой и бездушной мадамъ Розье, а сравнивъ понятія нашихъ тогдашнихъ нянекъ съ понятіями большинства тогдашняго времени, мы рѣшительно считаемъ себя на сторонѣ нянекъ. Положимъ, ихъ правила и мнѣнія были вредны, но развѣ не въ такой же степени пошлы и вредны были понятія и примѣры окружающаго большинства? Развѣ тогдашній гувернерь-нѣмецъ не развивалъ бы въ такой же степени воображенія ребенка и не готовилъ изъ него филистера? Развѣ французъ не постарался бы сдѣлать изъ него самоувѣреннаго самохвала и глупаго резонера? Въ русской нянѣкѣ мы находимъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя черты, во многомъ выкупающія невѣжество и недостатки ея времени и положенія. Эти няньки были простодушны, онѣ были честны и искренни. Припомните этотъ прелестнѣйшій по простотѣ и естественности разговоръ старухи-няни Татьяны съ ея взрослой и влюбленной воспитанницей, которая спрашиваетъ, была ли она влюблена? И возьмите это добродушіе, съ которымъ она выслушиваетъ упреки нетерпѣливой и стыдливой дѣвушки, совѣстящейся назвать сосѣда, къ которому посылаетъ письмо:

Какъ не догадлива ты няня!

— Сердечный другъ, ужъ я стара!

Стара; тупѣетъ разумъ, Таня;

А то бывала я востра:

Бывало, слово барской воли...

Но дѣвушкѣ не до того, чтобы слушать старческую болтовню: она называетъ Онѣгина. И вмѣсто упрековъ, выговоровъ и бесполезныхъ нравственныхъ поученій, какъ бы сдѣлала иная гувернантка при этомъ признаніи,—что говорить старуха?

Ну, дѣло, дѣло!

Не гнѣвайся, душа моя,

Ты знаешь,—непонятна я...

Да что-жъ ты снова поблѣднѣла?

Неправда-ли, сколько тутъ гуманности, состраданія!... Эта старуха, которая могла бы насплетничать и передать все барынѣ, или, по крайней мѣрѣ, наворчать и наговорить сотни глупыхъ совѣтовъ и наставленій, чувствуетъ, что не до того ея бѣдной Танѣ; она сама не знала любви, но она сердцемъ понимаетъ всю законность этого чувства, чуетъ искренность страданія своей питомицы и себя же винить въ непонятливости, неумѣвшей угадать съ полслова желанія дѣвушки. Затѣмъ сравнимъ эту няню съ самой Лариной, которая сначала

. . . писывала кровью

Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,

Звала Полиною, Прасковью

И говорила на распѣвъ.

Потомъ, выйдя замужъ, и еще по принужденію, стала управлять мужемъ, звать Акулькой прежнюю Алину, ѣздить по работамъ,

Солила на зиму грибы,

Вела расходы, брила лбы,

Ходила въ баню по субботамъ,

Служанокъ била осердясь.

И еще, въ довершеніе блаженства

Все это мужа не спросясь!

Сравните, наконецъ, ея правила съ правилами, внушенными Софьѣ Павловнѣ ея m-те Розье,—и неужели вы не согласитесь, что эта старуха-няня была лучше и человѣчнѣе ихъ всѣхъ, и что это было единственное лицо во всей барской семьѣ и во всемъ барскомъ домѣ, относящееся къ ввѣренному ей ребенку какъ къ другу, безъ угрозы и застраиванья вышихъ, безъ лести и потворства низшихъ? И мы поймемъ то нѣжное и дружеское чувство, которое на всю жизнь оставалось у взрослыхъ воспитанниковъ къ своимъ нянямъ, мы поймемъ искреннюю теплоту этихъ прелестныхъ строкъ возвратившагося изъ деревенской ссылки Пушкина, обращенныхъ имъ къ своей нянѣ:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя,
Одна въ тѣни лѣсовъ дубовыхъ
Давно, давно ты ждешь меня, и проч.

Подъ вліяніемъ такой-то старухи-няни сложилась Таня, какъ складываются сотни ей подобныхъ дѣвушекъ. Но Богъ вѣсть, подъ вліяніемъ какихъ причинъ явился у Татьяны задатокъ строгаго отношенія къ жизни,—и вотъ она растетъ дикаркой, не любитъ игръ и женскихъ работъ,—этихъ кошелевъ и канвовыхъ подушекъ, которыми деревенскія барышни убиваютъ время и награждаютъ кузеновъ. Разумѣется, все это черты отрицательныя. Мы видимъ только, что дѣвочка не мирится съ мелочью и дразгами, которыми обыкновенно занимались ея сверстницы, но, ни ея крѣпостная нянька,

ни родительница, которая въ молодости умѣла только рядится, носить узкій корсетъ и русскій Н, какъ N французскій произносить въ носъ—не могли наставить ее, дать ей уму болѣе здоровую пищу и дѣятельности—полезное направленіе. Слѣдовательно отъ деревенской Тани нечего болѣе и требовать; она любитъ читать, но читать ей кромѣ романовъ нечего и она къ нимъ пристращается. Воображеніе играетъ, сердце требуетъ любви, и она не любитъ еще, ей не нравятся ни

Гвоздинъ, хозяинъ превосходный
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ...

ни уѣздный франтикъ Пѣтушковъ, ни сорви-голова Буяновъ; она не Софья Фамусова, которая любитъ Молчалина, потому что ей хотѣлось любить, а любить его было всего сподручнѣе; Таня ждетъ «человѣка» и когда этотъ современный человѣкъ является, она вся съ нагорѣвшимъ сердцемъ сразу отдается ему.

Онѣгинъ былъ для своего времени, какъ мы и старались доказать, человѣкъ изъ лучшей дюжины; если прибавить къ этому его свѣтскость, образованность, умѣнье нравиться, то увидимъ, что такой человѣкъ въ деревенской глуши, среди Харликовыхъ, Флиновыхъ и Пѣтушковыхъ,—былъ феноменомъ и могъ быть избранникомъ любой дѣвушки съ гораздо обширнѣйшимъ, чѣмъ въ деревенской Танѣ, развитіемъ и правомъ на требовательность. И вотъ, деревенская дѣвушка встрѣтивъ поняла и страство полюбила Онѣгина. Кто не помнитъ этихъ прелестныхъ сценъ томленія отъ любви неопытной

застѣнчивой дикарочки, которая не находитъ себѣ мѣста, не знаетъ, что дѣлать, кому вылить свою душу, призываетъ свою старуху-няньку, спрашиваетъ ее любила ли она и, наконецъ, когда та, замѣтивъ волненіе и тревогу своей питомицы, увѣряетъ ее, что она больна, Татьяна робко признается ей—«я... знаешь, няня... влюблена»... И выговоривъ это, накипѣвшее на душѣ признаніе, не можетъ удержаться, чтобы нѣсколько разъ не повторить «я влюблена... я влюблена»!..

И вотъ эта застѣнчивая дикарка, сознавъ свою любовь, не зная что дѣлать съ ней, подъ вліяніемъ искренняго молодого чувства, рѣшается, — страшно сказать!— рѣшается первая признаться въ любви, рѣшается писать Онѣгину. Въ нашъ вѣкъ, когда многія дѣвушки насильно ломаются въ запертыя для нихъ двери университетовъ и служебныхъ мѣстъ, — рѣдкая и изъ этихъ смѣлыхъ рѣшатся на первое признаніе, да еще такъ прямо, откровенно и письменно; но для того времени это былъ подвигъ и такой необыкновенный подвигъ, что авторъ тщательно старается оправдать его передъ строгими моралистами. Тѣмъ дороже отмѣтить намъ этотъ смѣлый, честный порывъ тогдашней русской, да еще застѣнчивой дѣвушки; много надо было горячаго чувства, искренности, смѣлости и отчасти, прибавимъ, — романтичности, чтобы рѣшиться на подобный подвигъ; за то мы не знаемъ ничего милѣе и симпатичнѣе этой дѣвушки, когда съ женственной стыдливостью она совершаетъ его:

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ,
Письмо дрожить въ ея рукѣ

Оплата розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ,
Къ плечу головкою склонилась,
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.

Занимается заря, наступаетъ утро, все просы-
пается,—ей все равно:

Она зари не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшей головой
И на письмо не напираетъ
Своей печати вырѣзной

пока не приходитъ ея добрая старуха-няня и за-
ставивъ, по своей безтолковости, разъяснить по-
дробно въ чемъ дѣло, отправляетъ роковое призна-
нiе съ своимъ внукомъ. Исходъ извѣстенъ и весьма
правдивъ. Еслибы Онѣгинъ былъ пустымъ фатомъ,
онъ бы сдѣлалъ себѣ игрушку изъ любви деревен-
ской дѣвушки и потомъ бросилъ ее; но въ немъ,
несмотря на одолѣвавшую его скуку, достало чест-
ности, чтобы не шутить чувствомъ романической
провинціалки. Онѣгинъ сумѣлъ отгадать въ Татьянѣ
такіе задатки строгаго отношенiя въ жизни, кото-
рые при лучшемъ направленiи и развитiи могли
бы сдѣлать изъ нея замѣчательно хорошую жен-
щину. Онъ сразу предпочелъ Таню ея розовой
сестрѣ, плѣвившей Ленскаго, и когда получилъ ея
письмо, то можетъ быть въ немъ дѣйствительно
мелькнула мысль о женитьбѣ и—хотя Онѣгинъ по
положенiю своему могъ бы сдѣлать гораздо лучшую
партiю, мы не имѣемъ права сомнѣваться, чтобы
онъ не искренно говорилъ Танѣ:

Когда-бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;

Когда-бъ мнѣ быть отцемъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда-бъ семейной картиной
Плѣнился я на мигъ единой,
То вѣрно-бъ кромѣ васъ одной
Невѣсты не искалъ иной.
Но я не созданъ для блаженства...

прибавляетъ Онѣгинъ и рисуетъ печальную картину семьи, гдѣ мужъ, цѣня всѣ достоинства жены, не любитъ ее и тяготится своимъ положеніемъ.

Отчего-же, спросимъ мы, Онѣгинъ не созданъ для блаженства, отчего пріятный жребій не повелѣваетъ ему быть супругомъ и отцемъ, и онъ, ничѣмъ не связанный, ничего для себя не предвидящій, не рѣшается ограничить свою жизнь домашнимъ кругомъ? На вопросѣ этомъ стоитъ остановиться и именно здѣсь, при разборѣ жизни русскихъ дѣвушекъ, потому что начиная съ Онѣгина мы видимъ цѣлый рядъ представителей молодого поколѣнія, которые какъ будто сговорившись, бѣгаютъ отъ женитьбы, какъ отъ чумы.

Онѣгинъ самъ этой боязни не понимаетъ и потому разъясняетъ ее ложно: онъ думаетъ, что она происходитъ отъ его пресыщенности и разочарованія:

Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата
Не обновлю души моей...

говорить онъ, а между тѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ эта-же самая Татьяна обновляетъ его душу и возвращаетъ мечты до такой степени, что онъ влюбляется въ нее, какъ мальчишка. Дѣло въ томъ, что Онѣгина, какъ и всѣхъ послѣдующихъ литературныхъ героевъ, грызетъ немолчно червякъ со-

знанія своихъ невыполненныхъ обязанностей къ жизни, имъ хочется дѣлать что нибудь дѣльное, они чувствуютъ, что почти даромъ бременяютъ землю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно справедливо сознаютъ, что ограничить свою дѣятельность, одними семейными заботами для нихъ было бы совершенно мало.

† Для нихъ жениться значило-бы отречься отъ всякой надежды на ту дѣятельность, о которой смутно мечтали они, примириться съ пошлостью и плыть по теченіи. Вотъ причина, по которой они такъ боятся и думать о женитьбѣ,—и эта боязнь есть черта, много говорящая въ ихъ пользу. Человѣкъ установившійся, имѣющій ясно сознаванную цѣль въ жизни, избравшій себѣ дѣло и имъ весь занятой можетъ жениться: онъ видитъ въ женщинѣ не только женщину, но и подругу, которая бы помогла ему въ его же дѣлѣ, или по крайней мѣрѣ приняла на себя часть домашнихъ заботъ, для нея болѣе привычныхъ. Онѣгинимъ не нужна такая подруга: имъ нечѣмъ дѣлиться съ ней, у нихъ нѣтъ домашнего очага, нѣтъ дома, въ который желали бы они ввести хозяйку—жажда дѣятельности мѣшаетъ имъ гдѣ нибудь свить гнѣздо, установиться; у нихъ нѣтъ дѣла, они не сознаютъ его ясно и не видятъ его, они только томятся жаждой этого дѣла, и потому въ женщинѣ привыкли видѣть одну женщину,—они ищутъ ее только для любви,—но любовь не дѣло, а чувство и когда это чувство удовлетворено, то женщина имъ не нужна и связь съ нею остается только тягостью! Конечно, любовь иногда разгарается до страсти и охватываетъ всего человѣка, но и страсть проходитъ. Бываютъ также и такіе люди,

которые изъ любви дѣлаютъ для себя цѣль жизни, исключительное занятіе. Литература, еще недоразвившаяся до общественныхъ вопросовъ, любила заниматься исключительно этими любовныхъ дѣлъ мастерами и занималась ими до тѣхъ только поръ, пока ея герои были одержимы страстью; какъ скоро страсть была удовлетворена женитьбой, или прекращалась катастрофой, — романъ кончался. Въ новѣйшихъ и болѣе серьезныхъ литературныхъ произведеніяхъ, конечно, безъ любви не обходится и не можетъ обойтись, потому что любовь есть одинъ изъ сильнѣйшихъ двигателей и, во всякомъ случаѣ, необходимое, всѣмъ присущее и всеогрѣвающее чувство; но романы и люди, занимающіеся только одною любовью, и болѣе ничѣмъ, мало насъ нынѣ занимаютъ и дешево цѣнятся. Въ лучшихъ произведеніяхъ прошлой эпохи авторы тоже занимались общественными вопросами, но инстинктъ художника невольно видѣлъ въ обществѣ это недостающее что-то, тревожившее его лучшихъ людей, — и они выражали этотъ вопросъ своего времени въ невыяснившемся недовольствѣ своихъ героевъ. Онегинъ, надо отдать ему эту справедливость, не былъ, какъ мы уже замѣтили, специалистомъ по любовной части; но онъ былъ безъ дѣла, жизнь его сложилась пошло и онъ тяготился этой пошлостью. Онъ могъ жениться только по любви, но какъ скоро любовь была бы удовлетворена и лишилась того остраго и возбуждающаго свойства, которое придаютъ ей препятствія, — жена явилась бы для Онегина совершенно лишней обузой! Въ самомъ дѣлѣ, на что она была бы нужна ему, какъ подруга жизни? Че-

ловѣкъ съ независимымъ взглядомъ и неудовлетворимыми въ то время, хотя смутно сознаваемыми побужденіями,—Онѣгинъ не могъ примириться съ той узенькой, семейной жизнью, которую представляла для него женитьба на Татьянѣ и онъ, съ поразительною правдою, рисуетъ ей ту жизнь, которая ожидала бы ихъ въ этомъ случаѣ:

Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ
И днемъ и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная,
Судьбу, однакожъ, проклиная,
Всегда нахмуренъ, молчаливъ
Сердить и холодно ревнивъ.

«Таковъ я», прибавляетъ онъ и совершенно вѣрно. И такъ, Онѣгинъ не могъ быть мужемъ, а между тѣмъ выборъ Татьяны былъ однимъ изъ лучшихъ. Что же выходитъ изъ этого? Лучшіе и достойнѣйшіе люди того времени могли быть и дѣйствительно были только пригодны въ любовники; они не годились и не хотѣли быть мужьями, а между тѣмъ весь складъ понятій и требованій общества казнить и до сихъ поръ дѣвушку, которая отдается мужчинѣ, не оградивъ себя бракомъ, помѣщаетъ ее дѣтей въ разрядъ парій и смѣется надъ той, которая остается старою дѣвою! Что же оставалось дѣлать такой дѣвушкѣ, которая не имѣла силы воли, чтобы идти на тяжелую борьбу съ общественными условіями, или не хотѣла ихъ нарушать? Вѣрность до гроба, разъ избранному? такъ называемая идеальная любовь? Что жъ, эта любовь была

въ модѣ и если старыя, засохшія дѣвы весьма жалки и смѣшны въ жизни, то въ старыхъ романахъ ихъ безгрѣшная любовь пользовалась большимъ почетомъ. Но какая же институтка не знаетъ нынѣ, что всякая идеальная любовь есть только личина, подъ которою скрывается любовь естественная, т. е. матеріальная, что она возможна и терпима только какъ начало этой послѣдней любви,— ея юность и еще неясное сознаніе! Если же эта такъ называемая безгрѣшная любовь дѣлается сама цѣлью и удовлетвореніемъ, то она является въ самомъ дѣлѣ чувствомъ самымъ грѣшнымъ, какъ грѣшно и безнравственно все противоестественное, всякое раздраженіе ради раздраженія. Все это красиво въ слезливомъ романѣ, а не въ жизни. Да и наконецъ, глядя на вещи съ разумной стороны, не глупо-ли мечтать и думать весь вѣкъ о человѣкѣ, который можетъ быть о насъ и не думаетъ и которому, во всякомъ случаѣ, отъ этихъ мечтаній— кромѣ маленькаго удовлетворенія скверненькаго тщеславія—ни тепло ни холодно. Обыкновенно, если мы въ жизни задумали какое-нибудь дѣло и видимъ, что обстоятельства такъ сложились, что дѣлаютъ его недостижимымъ, то вмѣсто того, чтобы весь остальной вѣкъ сокрушаться о недостигнутомъ, вздыхать по немъ и таять, какъ глупый рыцарь Тогенбургъ подъ окномъ своей возлюбленной, всякій здравомыслящій человѣкъ постарается найти другое дѣло и другую цѣль и ей отдаться. Это послѣднее соображеніе заставляетъ влюбленную несчастливо дѣвушку сдѣлать всѣ усилія, чтобы забыть неудачный выборъ и ждать, пока чувство ее потухнетъ и

другой (какъ уланъ, затмившійся Ольгѣ Лариной Ленскаго) понравится ей и захочетъ получить ее на законномъ основаніи. Но когда дѣвушка полюбитъ, особенно въ первый разъ, она убѣждена, что полюбила на весь вѣкъ и никогда никто другой не въ состояніи замѣнить перваго; да у дѣвушекъ, со строгимъ складомъ, какъ Татьяна, такъ и бываетъ— какъ же при этомъ-то убѣжденія ждать другаго? Да и захочетъ-ли этотъ другой еще жениться на ней? Вѣдь Онягину Татьяна нравилась и онъ, по видимому, не имѣлъ никакихъ причинъ отказаться отъ нее—а отказался-же! И если, какъ мы замѣтили, въ извѣстное время существуютъ причины, которыя всѣмъ людямъ извѣстнаго закала мѣшаютъ жениться,—гдѣ же искать себѣ другаго? Слоемъ ниже и похуже? Хороша необходимость! Дѣвушкѣ остается, наконецъ, или отказаться навсегда отъ счастья любви и материнскихъ радостей, или выйти по расчету замужъ и отнестись самымъ равнодушнымъ, чтобы не сказать циничнымъ, образомъ къ извѣстнымъ отношеніямъ. Какое печальное и безвыходное положеніе! Наша героиня не избѣгла общей участи. Условія сложились такимъ роковымъ образомъ, что Татьяны того времени, любившія Онягинныхъ, должны были молча страдать и на вѣки погребсти, или равнодушно отдать нелюбимому человѣку свои первыя, самыя чистыя ласки: въ нравственномъ отношеніи одно называется самокастрированіемъ, другое самоуниженіемъ, въ біологическомъ—порчею породы, въ свѣтскомъ—преклоненіемъ предъ общественными условіями. Но какъ оно ни называйся, оно должно было случиться и

случилось съ Татьяной. Онѣгинъ уѣзжаетъ и Татьяна лишается счастья даже видѣть предметъ своей первой любви. Впрочемъ, разлука, какъ лекарство отъ мучительной болѣзни, называемой «несчастливая любовь»,— есть средство хоть и крутое, но самое дѣйствительное. Оно отозвалось такъ и на Татьянѣ; вскорѣ мы видимъ, что страданія ея изъ острыхъ перешли въ хроническія; она груститъ, но посѣщенія дома Онѣгина развлекаютъ ее, чтеніе его книгъ, раздумываніе надъ мѣстами, остановившимися на себѣ вниманіе Онѣгина, отмѣченными.

То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ

развиваетъ ее и расширяетъ кругозоръ провинціалки. Она начинаетъ лучше понимать Онѣгина и причины его хандры и апатіи. Поэтъ до такой степени считаетъ ее развившеюся отъ этихъ уединенныхъ думъ, что спрашиваетъ себя:

Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдено?

Но мы теперь, на основаніи данныхъ, представляемыхъ послѣдующею повѣстью Татьяны, можемъ сказать, что Татьяна не разрѣшила загадки и не нашла слова, потому что эта задача не была подъ силу тогдашней женщинѣ, да и самъ Онѣгинъ этого слова не нашелъ, а бродилъ около него и мучился лишь его смутнымъ сознаніемъ. Книги, т. е. романы, которыя Татьяна читала, тоже едва-ли благотворительно подѣйствовали на нее: онѣ, можетъ быть, выковали въ ней то самообладаніе, то спокойное воззрѣніе на свѣтъ, которыя мы видимъ въ Татьянѣ впо-

слѣдствіи,—но, какъ мы тоже увидимъ, не научили ее яснѣе понимать вещи. Въ то время, когда Татьяна мечтала о своемъ обожаемомъ, читала его книги и размышляла надъ ними, благоразумная мать заботилась о перемѣнѣ, замѣчаемой въ дочери и отыскивала средство все поправить. Средство это на семейномъ совѣтѣ было найдено: Татьяну надо *пристроить*, надо выдать ее замужъ. Средство было выбрано самое обыкновенное и, по тогдашнему, вѣрное. Когда дѣвушка выбита чѣмъ-то изъ обычной колеи, — очень естественно, надо постараться ее вправить въ нее, надо ей въ самомъ дѣлѣ открыть и облегчить дорогу къ какому нибудь выходу. Для дѣвушки въ то время былъ одинъ выходъ—замужество и дѣйствительно, это выходъ единственный, если безъ него нельзя ни отдаться любимому человѣку, ни приобрести какое-нибудь положеніе, хотя „независимаго“ положенія ни дѣвушкѣ, ни женщинѣ имѣть тогда не полагалось. Дѣвушекъ, сбыть которыхъ дома былъ неуспѣшенъ, какъ индѣекъ, куръ и другую живность, возили обыкновенно зимой въ Москву, „на ярмарку невестъ“. Туда повезли Татьяну и тамъ ей находится покупатель,—важный, богатый генераль,— партія въ житейскомъ отношеніи самая выгодная! Чего же лучше? Татьяна только не любитъ жениха, да и не можетъ любить изувѣченнаго старика, котораго видитъ въ первый разъ, — но что-же дѣлать! Масса смотреть на бракъ съ чисто практической точки зрѣнія и съ своей стороны совершенно права: бракъ въ ея глазахъ не соединеніе двухъ любящихся голубковъ,—это союзъ на всю жизнь людей, кото-

Рассказы Маманы

Я васъ прошу меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?)
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна!

Въ этихъ строкахъ весь символъ понятій о бракѣ дѣвушки того времени и дѣвушки, прибавимъ, строгаго закала. Какъ же она отзывается о своемъ замужествѣ по расчету?

«Неосторожно, быть можетъ, поступила я!» говоритъ она. Какъ? только неосторожно? Полно, такъ ли? Напротивъ, съ практической точки зрѣнія, намъ кажется чрезвычайно осторожно. Татьяна вполне довѣрилась въ выборѣ мужа даже не своей неопытности, а матери и роднѣ. Когда за нее сватались Буяновъ и Пѣтушковъ, когда гусарь Пыхтинъ ея прельщался и мелкимъ бѣсомъ разсыпался—Татьяна имъ отказала, потому что они ей не нравились, а мать, женщина практическая, не настаивала на такомъ замужествѣ; но когда является важный и богатый генераль, мать умоляетъ, а дочь соглашается и разумѣется, ужъ если выходитъ безъ любви, по одному расчету, то, конечно генерала слѣдовало предпочесть Буянову и Пѣтушкову; да и во всякомъ случаѣ, Татьяна поступила благоразумно потому что если-бы она осталась засидѣвшейся провинціальной, мечтательной дѣвой, то Онѣгинъ никогда бы къ ней нѣжностью не воспылалъ. Какъ же она при этомъ поступила съ своими чувствами и влеченіемъ, какъ она взглянула на тѣ супружескія отношенія съ старымъ,

генераломъ, которыя являются весьма противуестественными и безнравственными, когда любишь другаго? — А вотъ какъ. Когда княгиня Татьяна Дмитриевна оскорбилась признаніемъ Онѣгина и стала читать ему наставленія, она такъ выразилась:

А нынѣ, что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость?
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ!

Извольте видѣть: «малость»! «мелкое чувство!» Сама старуха Ларина не могла бы быть болѣе ничтожнаго мнѣнія объ этихъ чувствахъ и отношеніяхъ. Отчего же при подобномъ воззрѣніи не отдаваться старому генералу, если онъ доставляетъ хорошее положеніе въ свѣтѣ? Но мы бы желали только спросить молодую генеральшу объ одномъ: когда тоже самое чувство, которое заставило теперь Онѣгина писать и объясниться ей — заставляло ее, дѣвушку, преодолѣть свойственную ей полу стыдливость, всѣ привитыя ей съ издѣтства понятія и бросаться въ объятіи едва знакомаго мужчины, — отчего это чувство было велико, почтенно и глубоко, а онѣгинское «малость». А если это и дѣйствительно малость, отчего же она такъ обидѣлась? Стоитъ ли изъ-за малости поднимать такой шумъ? Гдѣ же тутъ логика?

Но намъ могутъ замѣтить, что Татьяна называетъ малостью и мелкимъ чувство Онѣгина потому, что считаетъ его не любовью, а волокитствомъ; она не вѣритъ, чтобы Онѣгинъ, отвергшій ее въ то время, когда она была моложе и лучше,

могъ полюбить ее теперь и объясняетъ его признаніе желаніемъ побѣды, которая могла бы ему принести въ свѣтъ «соблазнительную честь». Такое толкованіе не дѣлаетъ чести ни проникательности княгини Татьяны, ни настроенію ея воображенія. Это мнѣніе свѣтской аскетки и ханжи, которая, забывъ свои молодыя и здоровыя чувства, начинаетъ во всемъ видѣть соблазнъ, плотскія страсти, грѣховныя помыслы и безъ всякаго повода недоувѣряетъ даже любимому человѣку. Но, положимъ, она права и Онѣгинъ за ней просто волочился. Да вѣдь однакоже, она любитъ Онѣгина? Какъ же при этой-то любви она выходила замужъ за другаго человѣка и теперь принадлежитъ другому? И въ какой же мѣрѣ нравственны ея то отношенія къ мужу? Что это за странная любовь такая?

Если бы объ этихъ противорѣчіяхъ спросить самую Татьяну, она, мы увѣрены, не могла бы разъяснить ихъ, хотя-бы конечно сказала, что ея любовь — не любовь *грязная, земная*, что это — идеальная любовь. Въ такомъ случаѣ, спросили бы мы ее, чего же добивалась она отъ Онѣгина, когда писала къ нему:

Повѣрьте, моего стыда
Вы не узнали-бъ никогда
Когда-бъ надежду я имѣла
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи
Вамъ слово молвить и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи...

отчего блѣднѣла и худѣла она отъ этого думанья, отчего и теперь, замужемъ, плакала надъ письмами Онѣгина? Вѣдь теперь, по крайней мѣрѣ, ничто не мѣшало ей видать Онѣгина сколько угодно, и думать о немъ и день и пожалуй ночь, даже въ объятіяхъ своего генерала?

Но довольно! Мы бы никогда не кончили, еслибы стали доискиваться какой-нибудь разумной послѣдовательности въ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ вышедшей замужъ Татьяны. Объясненіе есть одно: Татьяна была искренна и честна, когда дѣйствовала самостоятельно, и не сдержавъ свои молодыя чувства открылась въ любви Онѣгину. Но любовь встрѣтила роковыя препятствія; бѣдная дѣвушка не знаетъ выхода и въ припадкѣ разочарованія, апатіи, — слѣпо, безъ повѣрки отдается общепринятымъ условіямъ и вноситъ въ нихъ ту строгость и страстность, которыя присущи ея характеру. Она повинуется родительницѣ, которая умоляетъ ее выйти за знатнаго генерала, и отдается ему противъ всякаго желанія, смотря на это самопожертвованіе, какъ на исполненіе какого-то долга; потомъ мы ее видимъ знатной барыней, холодно и равнодушно, но безупречно выполняющей свѣтскій уставъ, тоже своего рода «долгъ», и наконецъ, когда является человекъ, ею любимый, мы ее видимъ какой-то матроной безукоризненной, неприступной и до такой степени «высоко держащей знамя жены», какъ бы выразился иной публицистъ, что самое признаніе Онѣгина глубоко оскорбляетъ ее и она несмотря на свою любовь къ дерзкому, отвѣчаетъ ему классическимъ —

Но я другому отдана,
Я буду вѣкъ ему вѣрна!

И тутъ она повинуется только «долгу».

Однакожь, что же это за звѣрь и нелѣпый деспотъ этотъ «долгъ?»

Всякій, здраво развитой человѣкъ глубоко уважаетъ того, кто остается вѣренъ такъ называемому долгу, — но дѣло въ томъ, что далеко не всѣ одинаково понимаютъ, что за штука этотъ высокопочтенный долгъ. Поэтому, прежде нежели говорить о немъ, опредѣлимъ, что такое должно разумѣть подъ словомъ «долгъ», по нашему мнѣнію.

Мы, признаемся, не понимаемъ долга-идола, того отвлеченнаго долга—устава, которому должно подчиняться не только все разумное и честное въ жизни, но и самая жизнь, и про который одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ нами писателей выразился: «жизнь не шутка,—жизнь есть долгъ и долгъ тяжелый». Мы, напротивъ думаемъ, что важнѣе жизни ничего нѣтъ на свѣтѣ и что «долгъ есть служеніе правильно и глубоко понятнымъ интересамъ жизни», — есей жизни, жизни личной и жизни общественной, ибо и интересы той и другой, при правильномъ ихъ пониманіи, не должны расходиться между собою. Объяснивъ такимъ образомъ наше пониманіе долга, мы невольно дѣлаемъ себѣ вопросъ, что же это былъ за долгъ, которому жертвовала собою Татьяна и который такъ перепуталъ ея понятія? Былъ ли это дѣйствительно, долгъ, служащій интересамъ жизни? На это мы не колеблясь, должны дать вполнѣ отрицательный отвѣтъ. Никакой разумный долгъ не приводитъ къ противо-

рѣчіямъ и нелѣпостямъ. Разумный долгъ не могъ требовать, чтобы Татьяна, любя одного, вышла замужъ и клялась въ вѣрности другому. Но если дѣвушка дала клятву въ припадкѣ разочарованія и апатіи, и потомъ, встрѣтивъ Онѣгина, почувствовала, что старая любовь еще въ ней живетъ, — долгъ требовалъ, чтобы она явилась женщиной, а не ханжей, увлекшейся мелкимъ желаніемъ отмстить Онѣгину за его прежнюю холодность и похвастаться передъ нимъ своею добродѣтелью! Мы отнюдь не желаемъ сказать, что Татьяна должна была измѣнить своему мужу, которому она клялась въ вѣрности (хотя, замѣтимъ, что соблюденіе одной, такъ сказать, вещественной вѣрности есть весьма узкое ея пониманіе, да и это сохраненіе часто зависитъ болѣе отъ силы и чувства, темперамента и случайности, чѣмъ отъ насъ), — нѣтъ! Мы хотимъ сказать только, какъ же, соблюдая свой долгъ, Татьяна обманывала своего мужа? какъ не догадалась она, что должна бы была мужу первому сказать о своей любви, какъ скоро ее сознала? Тогда, если сама Татьяна не въ состояніи была понять всей безнравственности и лжи своего положенія, то ея князь, коли онъ былъ человѣкъ сколько нибудь развитой и порядочный, а не грубо-чувственный чурбанъ, конечно, первый бы отказался отъ нѣкоторыхъ, если не всѣхъ своихъ супружескихъ правъ и постарался бы разводомъ или другими путями устроить счастье жены, дать ей невольному чувству разумный выходъ, потому что при любви къ другому это право дѣлается безнравственностью. Нѣтъ! Татьяна дѣйствовала не въ силу ясно сознаннаго долга — она создала себѣ долгъ изъ общепринятой

рутины, взявъ ее безъ всякой повѣрки. Мы относимся съ совершеннымъ безпристрастіемъ къ общепринятымъ протореннымъ дорожкамъ и признаемъ ихъ значеніе. Онѣ установились не даромъ; онѣ составляютъ достояніе вѣкового житейскаго опыта и имѣютъ большія практическія удобства. Но эти правила сложились не въ силу логики, а такъ сказать механически, отъ взаимнаго тренія перепутанныхъ интересовъ; отъ этого въ нихъ есть много несообразностей, противорѣчій—и свѣтъ очень хорошо это сознаетъ, какъ мы замѣтили говоря о его взглядѣ на бракъ. Но этотъ свѣтъ никогда ни на шагъ не измѣнитъ своихъ обычаевъ въ силу теоретическихъ доказательствъ, хотя бы вы доказали ему его нелѣпность, какъ дважды два четыре. Свѣтъ—практикъ и потому предоставляетъ самой жизни рѣшать затруднительные вопросы; для этого онъ сквозь пальцы смотритъ на всѣ отклоненія отъ своихъ правилъ (если только они не дѣлаются съ громомъ и съ цѣлью протеста); и когда эти честные случаи уклоненія увеличатся до такой степени, что сдѣлаются обычаемъ, то онъ ихъ молча признаетъ и вноситъ въ свой кодексъ. Люди практическіе понимаютъ это очень хорошо и не тратятъ силъ на праніе противу рожна, а соблюдая по наружности положенный уставъ, дѣлаютъ безъ шума и скандала все, что находятъ по своимъ понятіямъ дозволеннымъ. Есть другіе люди съ твердымъ характеромъ и ясно сознаннымъ возрѣніемъ, которые не только дѣйствуютъ по собственнымъ убѣжденіямъ, не слушая мнѣній свѣта, но стараются провести эти возрѣнія даже на переکورъ свѣту: это уже

пропагандисты идеи. Но и тѣ, если желаютъ остаться не столько теоретиками, сколько практиками, не усложняютъ свое дѣло тратою силъ на борьбу съ мелочами, а настаиваютъ на главномъ и существенномъ. Не то бываетъ съ сильными характерами, которые, принявъ безъ новѣрки общественные обычаи, становятся ихъ строгими послѣдователями: они тотчасъ доходятъ до нелѣпостей. Возьмемъ примѣръ мелкій: есть, на примѣръ, люди, которые скорѣе просидятъ дома, или откажутъ себѣ въ обѣдѣ, нежели рѣшатся выходить въ надѣванныхъ перчаткахъ. Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы тоже сказать о Татьянѣ касательно наружнаго соблюденія ею самаго строгаго свѣтскаго церемоніала, хотя охотно вѣримъ, что и въ немъ она была строга до нелѣпости; но соблюденіе нравственнаго кодекса дошло въ ней до подобной же несообразности. Посмотрите, какихъ противорѣчій не встрѣтите вы въ набранной изъ избитыхъ фразъ ея отповѣди Онѣгину! Она упрекаетъ его, зачѣмъ не любилъ онъ ее прежде, а любитъ теперь: какъ будто на любовь есть утвержденный штатъ и время! Она говоритъ, что Онѣгинъ поступилъ съ ней благородно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, мститъ ему за его искренность и честность, за потерянное, по своей милости, счастье. Она говоритъ, что равнодушна ко всей этой ветоши маскарада, которая окружаетъ ее, и въ то же время высчитываетъ ему и свое положеніе въ свѣтѣ, а ласки «двора», и богатство и знатность. Выйдя замужъ по расчету и убѣжденіямъ матери, она отнеслась къ своимъ женскимъ ласкамъ съ безцеремонностью русскаго мужика и

практичностью содержанки, а между тѣмъ, считаетъ эти ласки, какъ весталка, за нѣкій священный огонь и одно подозрѣніе, что Онѣгинъ имѣетъ коварное намѣреніе посягнуть на нихъ, глубочайшимъ образомъ оскорбляетъ ее! А о томъ пониманіи вѣрности и обязанностей къ мужу, которыя она совмѣстила въ классическомъ «отдана и буду вѣкъ ему вѣрна», мы уже говорили. И прочитавъ всю эту, выученную наизусть мораль, княгиня Татьяна воображаетъ, что она поступила въ высшей степени добродѣтельно и честно, что она пожертвовала своею любовью, своимъ личнымъ счастьемъ какому-то необходимому для общаго блага долгу, совершила, говоря нынѣшнимъ выраженіемъ, нѣкій гражданскій подвигъ и остается, вѣроятно, собою очень довольна!... Какое печальное заблужденіе!

Въ очеркѣ нашемъ «Софья Фамусова» мы видѣли великосвѣтскую москвичку, испорченную родительскимъ наслѣдіемъ, воспитаніемъ и окружающею сферой, и, благодаря этой порчѣ, упавшей весьма низко въ нравственномъ отношеніи, хотя сохранившей наружную приличность. Въ Татьянѣ мы видимъ русскую деревенскую дѣвушку, русскую съ головы до ногъ по своимъ предразсудкамъ, достоинствъ и недостаткамъ, которая родилась въ деревенской глуши и, благодаря простору и безъискусственности своего воспитанія, возросла энергичной и искренней, характерной дѣвушкой. Въ началѣ, эта счастливо надѣленная провинціалка повинуется только собственнымъ молодымъ и честнымъ порывамъ, — и она въ это время безупречна, естественна и чиста, она прелестна и подкупаетъ всѣ

симпатіи читателя. Но эти чистые, естественные порывы встрѣсили преграду; ея неразвитый умъ не нашель выхода изъ трагическаго положенія, въ которое поставиль ее отказъ Онѣгина. Дѣвушка, потерявъ вѣру въ себя, въ свой умъ и понятія, слѣпо отдается ходячей морали—и изъ нея выходитъ сухая, жизненная формалистка, лишенная всякаго здраваго и самостоятельнаго взгляда. Сильный характеръ и строгое отношеніе къ обязанностямъ, эти два вообще столь высокія качества, при томъ направленіи, которое принимаетъ Татьяна замужняя, служатъ ей же во вредъ. И это всегда такъ бываетъ: сила только тогда хороша и благодѣтельна, когда направлена на полезное дѣло. Никто такъ не вредиль, не вредить и не будетъ вредить дѣлу жизни, дѣлу общественнаго развитія, какъ энергическіе, но неправильно разившіеся люди, не понимающіе гдѣ и въ чемъ добро и тормозящіе всякое преуспѣваніе, потому что оно ихъ невѣжеству кажется зломъ. Въ этомъ случаѣ, такъ называемые покладистые люди,—люди мягкіе и прилаживающіеся къ жизни,—гораздо счастливѣе лично и гораздо безвреднѣе для общества. Такъ, добрая и румяная сестра Татьяны—Ольга, внушаетъ намъ слабое сочувствіе, но за то нисколько и не огорчаетъ насъ. Не такова Татьяна, такъ очаровавшая насъ вначалѣ и такъ огорчившая въ концѣ. Мы знаемъ, рутинные моралисты не согласятся съ нами и обвинять насъ самихъ въ безнравственности; мы съ ними спорить не будемъ. Но пусть они, забывъ правоучительные афоризмы, почерпнутые изъ прописей, положатъ руку на сердце и

скажутъ, не досадно-ли имъ на безжизненную княгиню Татьяну, которая отвѣчала влюбленному Онѣгину, какъ семинаристъ, сказывающій проповѣдь? Не милѣе-ли имъ пишущая свои признанія деревенская дѣвушка, чѣмъ эта Матрона, напоминающая тѣхъ неприступныхъ и непостижимыхъ для ума красавицъ, про которыхъ сказалъ поэтъ, что «внушать любовь для нихъ бѣда, пугать людей для нихъ отрада»? Да, прелестная дѣвушка становится пугаломъ; но виновата-ли она? Конечно нѣтъ! Мы уже говорили, что Татьяна не исключеніе, не передовая дѣвушка. Ей было не подъ силу проложить новую и самостоятельную тропинку, а общій трудъ не разработалъ еще и не сдѣлалъ въ то время общеизвѣстными тѣ здравыя понятія, которыя нынѣ начинаютъ пробиваться въ общество и указывать путь дѣвушкамъ, надѣленнымъ отъ природы такими же честными стремленіями, какія мы замѣтили въ Татьянѣ. И вотъ, благодаря тогдашнему недомыслию, благодаря ложнымъ и не провѣреннымъ понятіямъ о своихъ обязанностяхъ, мы видимъ на Татьянѣ, какъ первая, изображенная въ литературѣ русская честная дѣвушка, первая пробуждающаяся женская сила — запутывается, сбивается нравственно, дервянѣетъ на нашихъ глазахъ и бесполезно испортивъ свою личную жизнь, вноситъ мертвенность и ложь въ жизнь семейную и общественную.

III.

Бѣла, княжна Мери и Вѣра.

Мы беремъ трехъ женщинъ, изображенныхъ въ одномъ романѣ и влюбленныхъ въ одного и того

же человѣка. Да, только влюбленныхъ. Иныхъ стремленій и побужденій въ женщинахъ того времени мы еще не видимъ: любить, выйти замужъ, любить какъ можно сильнѣе человѣка, какъ можно прекраснѣе, выйти замужъ, какъ можно лучше—вотъ мечта тогдашней дѣвушки—и мы, занявшись рядомъ женщинъ, выведенныхъ въ литературѣ, должны поневолѣ витать пока въ области любви.

Какое блаженное время! Ни заботъ о пріисканіи какой нибудь самостоятельности, ни заботъ о развитіи и самовоспитаніи, ни тревожныхъ участій къ вопросамъ о положеніи женщины, ничего нѣтъ,—все было въ исправности: все, что требовалось, было устроено, размѣрено и отведено. Больше спрашивать было преступленіемъ,—хуже того: глупостью и нелѣпостью. Но читатель могъ замѣтить, что, обрѣтаясь въ этомъ счастливомъ, вселюбовномъ Китаѣ,—гдѣ только и дѣло было что влюбляться, гдѣ не заботились даже о кускѣ хлѣба, а если кому и предстояла нѣкоторая въ немъ надобность, то онъ пріобрѣтался тоже не иначе, какъ посредствомъ любви,—стоило очаровать богатаго человѣка и выйти за него замужъ—въ этой области любовныхъ отношеній мы занимались не самымъ чувствомъ, не силой его и способомъ выраженій, а опредѣленіемъ тѣхъ нравственныхъ требованій, съ которыми женщина обращалась къ сонму мужчинъ, если только были эти требованія, а не влюблялась въ красивый мундиръ или носъ, на подобіе греческаго; мы желали тоже опредѣлить какимъ практическимъ образомъ выражалась любовь, словомъ, выяснить общественное и гражданское проявленіе любви,

вовсе не касаясь, такъ сказать, военнаго. Съ этой цѣлью, въ ряду русскихъ женщинъ, какъ предметъ для сравненія, мы беремъ и попавшую подъ руку дикарку Бѣлу. Жатва, которую намъ даютъ женщины, поименованныя въ заглавіи, очень не велика, да и самыя женщины не очень замѣчательны, — это просто дюжинныя женщины. Мы видимъ княжну Мери, которая осматриваясь въ кругу мужчинъ, собравшихся на водахъ, прежде всего обращает свое вниманіе на такъ называемыхъ «интересныхъ». Изъ среды этихъ счастливыхъ она выбираетъ себѣ «предметъ», — предметъ кокетства, любви, а можетъ быть и замужества. Княжна занялась нѣкимъ юношей Грушницкимъ, котораго вся особенность состояла въ томъ, что имѣя всѣ признаки благороднаго происхожденія, онъ носилъ солдатскую шинель и вдобавокъ былъ раненъ. Вотъ каковы были тѣ общественные двигатели, по которымъ княжна Мери избирала себѣ «предметъ». Носить солдатскую шинель — значитъ протестуетъ противъ общественной рутины, хотя бы эта рутина изображалась отрогившимъ брюшко баталіоннымъ командиромъ; раненъ — значитъ выказалъ храбрость, храбрость, разумѣется, военнаго человѣка, ибо объ иной какой либо храбрости женщины того времени едва-ли и слышали. Однако Грушницкій оказывается фальшиво-интереснымъ человѣкомъ, какъ натертый ртутью грошъ, который впопыхахъ можно принять за серебрянную монету: онъ былъ не разжалованный дуалистъ, а просто юнкеръ, да еще и дурного тона, что несомнѣнно выказалъ при производствѣ въ офицеры туго застегивающимся воротникомъ и обиліемъ розовой

помады. Но является другой интересный человекъ, настояще-интересный, и затмѣваетъ перваго окончательно. Печоринъ былъ не просто интересный человекъ, а интересный во всѣхъ отношеніяхъ: одѣвался онъ не только въ военное платье, но иногда, по кавказской модѣ, рядился черкесомъ; на немъ лежалъ ореолъ не опредѣленнаго авторомъ, но какого то настоящаго наказанія; храбрость его тоже была превыше похвалъ. Какъ же не заинтересоваться подобнымъ человекомъ? Говоря о Печоринѣ въ статьѣ о «герояхъ» мы высказали мнѣніе, что онъ былъ своего рода представителемъ современнаго общественнаго стремленія, стремленія кинувшагося въ сукъ, да еще сукъ кривой и бесполезный—но все-таки единственный, на которомъ были кой какіе листья. Съ этой точки зрѣнія дѣвушка, занявшая предпочтительно Печоринымъ, выказывала еще нѣкоторую строгость и разумность въ своемъ «подборѣ». Но къ несчастію княжна Мери увлекается именно обыденными качествами Печорина, въ которыхъ могъ его превзойти любой пріѣзжій гвардеецъ. Слѣдуя за ней, спускаешься въ слой самыхъ мельчайшихъ и чисто наружныхъ качествъ: мундира, духовъ, ловкихъ фразъ и эффектныхъ появленій. Современная развитая дѣвушка, конечно, съ презрительнымъ сожалѣніемъ отнесется ко вкусамъ княжны Мери, но если она оглянется кругомъ, то увидитъ, что это еще вкусы и нашего огромнаго современнаго большинства, что въ немъ только измѣнились покрой платья да выборъ духовъ. Но княжна Мери, начавъ обращать вниманіе на Печорина, какъ на интереснаго молодого

человѣка, попадаетъ на человѣка, дѣйствительно умнаго и сильнаго. Кокетство, начатое обмѣномъ колкостей, кончается для дѣвушки любовью. Печоринъ былъ, какъ намъ извѣстно, однимъ изъ лучшихъ любовныхъ дѣлъ мастеровъ того времени и дѣйствительно не только влюбилъ въ себя дѣвушку, но довелъ свою виртуозность до того, что заставилъ княжну первую признаться въ любви: это былъ не Онѣгинъ, просто поразившій своимъ появленіемъ въ глуши деревенскую барышню, и княжна Мери была не наивная Татьяна. Татьяна выражается безъ обвиняковъ и еще письменно; Татьяна желаетъ только одного.—

Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи...

Какая умѣренность и какая наивность! Нѣтъ, княжна выражается не прямо, но намекнувъ на свою любовь, при слѣдующемъ же свиданіи, сама заговариваетъ о бракѣ, и когда видитъ, что Печоринъ на этотъ счетъ задаетъ молчка, то поощряетъ его и разъясняетъ, что препятствія можно устранить, а если родные заупрямятся, то она,—страшно сказать,—рѣшится выйти и безъ ихъ согласія!

Но увы! ея возлюбленный, съ беззащитностью, не встрѣчаемою еще до тѣхъ поръ въ русской литературѣ, отвѣчаетъ ей прямо, что онъ

ее не любить. Это дѣлало бы честь его прямодушію, если-бы онъ не влюбилъ въ себя княжну и не высказалъ самаго отвѣта, болѣе изъ желанія порисоваться своими жестокосердіемъ и холодностью чѣмъ изъ искренности, да чтобы отдѣлаться разомъ отъ женитьбы. Печоринъ не только не былъ холоденъ къ княжнѣ, но даже, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ его словъ, чувствовалъ къ ней сильную склонность. Только на бѣду онъ былъ также не расположенъ къ женитьбѣ, какъ и Онѣгинъ; онъ говоритъ, что какъ бы ни любилъ женщину, но достаточно только одного намека съ ея стороны на женитьбу, чтобы онъ разлюбилъ ее; онъ въ своемъ пристрастіи къ необыкновенному приписываетъ даже этотъ суевѣрный яко-бы страхъ предсказанію какой-то старухи, которая предрекла ему смерть отъ злой жены. Все это вздоръ, разумѣется. Гораздо ближе подходит Печоринъ къ истинѣ, рассуждая объ этомъ предметѣ въ скучной крѣпости. Не безъ сильной рисовки онъ сравниваетъ себя съ матросомъ, рожденнымъ и взросшимъ на палубѣ разбойничьяго судна и до того привыкшаго къ бурямъ, что мирная жизнь на берегу будетъ для него невыносима. Да, въ немъ, какъ и въ Онѣгинѣ, была тревожная потребность чего-то, потребность ими ясно не сознаваемая, но до того сильная, что они всю жизнь томились ею и ради ее такъ ревниво охраняли свою независимость и несвязанность; имъ бѣднымъ мученикамъ бездѣйствія все казалось, что наступитъ скоро какая-то великая борьба, въ которой они должны принять горячее участіе и для этой борьбы они берегли себя и свою

свободу. Но они сами, повторяемъ, не могли себѣ ясно опредѣлить въ чемъ должна заключаться эта борьба; какъ же бы они объяснили эту помѣху къ женитьбѣ тогдашней женщиной? Онѣгинъ вздумалъ было подробно объяснить это Татьянѣ и что же вышло? Барышня оказалась до того тупа на этотъ счетъ, что впоследствии упрекала Онѣгина за то, что онъ не любилъ ее, когда она была моложе и лучше, и не сдѣлалъ ей предложенія, когда она была свободна! Вотъ и толкуйте имъ о своихъ нравственныхъ стремленіяхъ, когда они понимаютъ одно стремленіе выйти замужъ! Печоринъ поступилъ умнѣе: не люблю, говоритъ, да и баста! Княжна разумѣется его возненавидѣла. Но что если-бы онъ ей сказалъ, что любить ее, но жениться на ней не желаетъ? О, съ какимъ величіемъ оскорбленнаго достоинства отнеслась бы она къ нему! Какъ? любить ее, княжну, безъ «честныхъ» намѣреній?—Одна мысль объ этомъ ее приводитъ въ негодованіе. Когда Печоринъ, пользуясь случаемъ, обнялъ княжну, у которой закружилась голова, при переѣздѣ черезъ рѣчку, и при этомъ удобномъ положеніи поцѣловалъ ее въ щеку, она оправившись стала немедленно приставать къ нему съ вопросами, имѣющими нескрываемую цѣль вызвать рѣшительное объясненіе:

— «Или вы меня презираете, или очень любите? Можетъ быть вы хотите посмѣяться надо мною, возмутить мою душу и потомъ оставить... Это было бы такъ подло.... такъ низко.... что одно иредположеніе.... о, нѣтъ! не правда-ли во мнѣ нѣтъ ничего, чтобы исключало уваженіе? Вашъ

дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его мростить, потому что позволила.... Отвѣчайте, говорите же; я хочу слышать вашъ голосъ»!

Не правда-ли, въ этомъ такъ и слышится барышня, которая хочетъ сказать: если ты не попросишь у меня немедленно руку и сердце — ты подлецъ!

Какую противоположность съ этой княжной представляетъ красивая черкешенка Бала! Увезенная Печоринымъ, стыдливо умѣла она отклонять его ласки до тѣхъ поръ, пока въ самомъ дѣлѣ не полюбила похитителя, но когда любовь дикарки созрѣла и Печоринъ угрозой уйти отъ нея вырываетъ ея признаніе,—съ какой безотвѣтностью она вся отдается любимому человѣку! Конечно Бала не связана тѣми общественными условіями, въ которыхъ находится княжна Мери, но развѣ у ней нѣтъ своихъ нравственныхъ общественныхъ узъ, ей столь же дорогихъ и привычныхъ, жертвовать которыми также ей не легко, какъ и свѣтской княжнѣ? Какая разница опять выказывается между ней и княжной—и къ невыгодѣ послѣдней—въ положеніи, принятомъ черкешенкой, когда удовлетворенная любовь начала гаснуть въ Печоринѣ.

— «Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой?» говоритъ она Максимъ Максимычу, отеревъ слезы и гордо поднявъ голову. «А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, я княжеская дочь!» Вотъ это любовь, настоящая любовь, безъ всякой подмѣси. А то хороша любовь, которая говоритъ «обязитесь меня содержать и возиться со мною

всю жизнь!» Это уже гражданская, если не торговая, сдѣлка и мы находимъ, что если черкесская княжна не такъ предусмотрительна, какъ русская, то ова, по крайней мѣрѣ, искреннѣе и послѣдовательнѣе!

Есть еще женщина, оставленная въ тѣни и слабо обрисованная въ названномъ нами романѣ: это бѣдная и любящая Вѣра. Причина, по которой она полюбила Печорина, высказанная ею въ прощальной запискѣ къ нему *), болѣе уважаема, чѣмъ причина княжны Мери, потому что болѣе основана на нравственныхъ, нежели наружныхъ качествахъ. Въ этой причинѣ много ошибочнаго, много навязаннаго увлеченіемъ страсти, много, съ хладнокровной точки зрѣнія, вызывающаго улыбку, но въ каждомъ словѣ самой записки видно столько женственности, преданности и искренняго чувства, что мы охотно прощаемъ этой «многой любви» ея

*) Вотъ эти слова записки; «Мы расстаемся на вѣки; однакожь ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другаго; моя душа истощила на тебѣ всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше другихъ; о нѣтъ! Но въ твоей природѣ есть что то особенное, тебѣ одному свойственное, что то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣлъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ни чей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ“.

заблужденія того времени. По крайней мѣрѣ Вѣра не торговалась со своею страстью. Она ей многимъ пожертвовала и еще большимъ рисковала. Она обманывала своего перваго мужа, обманула и втораго. Когда этотъ обманъ открылся впоследствии, она могла потерять не только семейное спокойствіе, но и средства жизни, — хуже того, она могла остаться и остается во власти мужа, который изъ боязни огласки не броситъ ее, за то будетъ весь вѣкъ пилить и попрекать измѣной. Прибавимъ къ этому, что любовь Печорина, по словамъ Вѣры, ничего ей не дала, кромѣ страданій. Но поставимъ эту страстно любящую женщину въ положеніе княжны Мери. Что если-бы Печоринъ внушилъ ей любовь и вздумалъ обнять въ то время, когда она была еще дѣвушкой? Мы увѣрены, что и Вѣра точно также заговорила бы объ оскорбленіи и спросила бы Печорина, когда онъ обратится къ маменькѣ?—какъ это сдѣлала Мери, точно также какъ мы увѣрены, что любовь Мери къ Печорину не помѣшаетъ ей выйти замужъ за другаго. Вѣдь не помѣшала же Вѣрѣ эта любовь, да еще страстная, выйти замужъ во второй разъ, хотя, какъ она выражается, женщина, полюбившая Печорина, не можетъ безъ нѣкотораго презрѣнія смотрѣть на другихъ мужчинъ! Все это показываетъ намъ, что женщины, выведенныя въ романѣ Лермонтова, были обыденныя явленія. Онѣ съ своею любовью напоминаютъ намъ міръ, гдѣ играютъ роль мундиры, помада, интересные мужчины со взоромъ, обѣщающимъ пропасть блаженства, міръ, гдѣ свободныя дѣвушки оскорбляются, если имъ

нашептываютъ о любви, не предлагая руку и сердце, а любящія женщины обманываютъ мужей, живя на ихъ счетъ и не отказывая другимъ въ ласкахъ; міръ, отъ котораго мы уже, по крайней мѣрѣ въ литературѣ, начали отвыкать. Намъ могутъ возразить, что этотъ міръ и доселѣ существуетъ и не только существуетъ, но составляетъ огромное большинство въ такъ называемомъ образованномъ классѣ. Совершенно справедливо. Но въ наше время уже не толкуютъ про этотъ міръ и эти отношенія. Имъ уже не занимаются, какъ образцовымъ и возбуждающимъ зависть «вышимъ свѣтомъ» и все что можетъ онъ желать для себя лучшаго, чтобы его оставили спокойно забавляться его грошовыми интересами. Теперь уже есть и даже появляются и въ его замкнутомъ кружкѣ другія женщины, съ другими взглядами и требованіями и вниманіе литературы обращено на этихъ женщинъ. Если-бы что либо подобное нынѣшнимъ лучшимъ женщинамъ, съ здоровыми воззрѣніями, существовало во время Лермонтова, то нѣтъ сомнѣнія, что замѣчательный талантъ, да еще склонный ко всему необыкновенному, не промолчалъ бы о подобныхъ женщинахъ. Нѣтъ, мы видимъ, что ничего подобнаго вопросамъ, которые задаетъ нынѣ себѣ всякая гимназистка, тогда и не шевелилось. Если въ кругу тогдашнихъ лучшихъ мужчинъ таилось хоть не сознанное, загнанное, хоть ударившееся въ уродливость, но все-таки какое-то невольное стремленіе выйти изъ той спячки, неизменности и придавленности, въ которыхъ обрѣталось общество, то между женщинами той поры мы и того не замѣ-

чаемъ; онѣ еще огуломъ и всецѣло покоились, волновались и страдали въ томъ мірѣ, гдѣ прежде всего обращаютъ вниманіе на перчатки и мундиръ, а если полюбятъ дѣйствительно замѣчательнаго мужчину, то потому, что (какъ выразилась Вѣра про Печорина) «ни чей взоръ, какъ его, не обѣщаетъ такого блаженства!»

IV.

М а ш а (изъ «Затишья»).

Трудно себѣ представить впечатлѣніе болѣе тяжелое и безотрадное, чѣмъ то, которое производитъ на насъ первая, выведенная литературой, дѣвушка, относящаяся нѣсколько строго къ своему чувству и любимому ей человѣку. Русская литература представляетъ намъ одну исключительную особенность, которой нѣтъ ни въ какой изъ европейскихъ литературъ. Рѣшительно, во всѣхъ лучшихъ ея произведеніяхъ, дѣйствующія лица, которыя выставляются какъ наиболѣе замѣчательныя и честныя личности, — кончаютъ всегда печально. Конечно, такое единодушіе взглядовъ всѣхъ талантливейшихъ писателей, жившихъ въ разное время и въ разныхъ кружкахъ, нельзя иначе объяснить, какъ дѣйствительнымъ складомъ нашей общественной жизни, который всею указываетъ на одинъ и тотъ же ясный и печальный фактъ. Выводъ весьма безотраднѣй, тѣмъ болѣе, что онъ и доселѣ подтверждается дѣйствительностью и каждый изъ нашихъ, сходявшихъ съ подмосковъ замѣчатель-

нѣйшихъ литературныхъ дѣятелей, не отступая отъ истины, могъ объяснить свой грустный и безвременный конецъ тѣмъ, чѣмъ объясняютъ одинъ изъ нихъ:

— «Милый другъ, я умираю
Отъ того, что былъ я честенъ..»

Конечно, было бы слишкомъ печально и несправедливо заключить, что всѣ честные русскіе люди гибнутъ вслѣдствіе своей честности. Но нѣтъ сомнѣнія, что для передовыхъ изъ нихъ жизнь наша заключаетъ въ себѣ безпощадно губительныя условія...

Въ мирной деревнѣ, лежащей, не то чтобы въ глухомъ, а въ безпритязательномъ уголкѣ, въ „за-тишьѣ“, гдѣ даже на именины ѣздятъ другъ къ другу въ сюртукахъ, у одного помѣщика живетъ сестра его умершей жены, дѣвушка лѣтъ 20, по имени Марья Павловна. Вотъ какъ описываетъ ее авторъ: «Черты лица ея выражали не то, чтобы гордость, а суровость, почти грубость; лобъ ея былъ широкъ и низокъ, носъ коротокъ и прямъ; лѣнивая и медленная усмѣшка изрѣдка кривила ея губы; презрительно хмурились ея прямыя брови. Я знаю, казалось, говорило ея непривѣтливое молодое лицо, — я знаю, что всѣ вы на меня смотрите; ну, смотрите, надоѣли! Когда же она поднимала свои глаза, въ нихъ было что-то дикое, красивое и тупое, напоминавшее взоръ лани. Сложена она была великолѣпно». Впервые является намъ эта дѣвушка съ слегка растрепанными густыми русыми волосами, въ которыхъ заплетался зеленый листъ; платье у нея по-

мято, коса выбилась изъ подъ гребня, смуглое лицо зарумянилось и красныя губы раскрылись: она только что работала въ саду, что доказываетъ и раскрытый ножъ въ рукахъ,—а руки ея были не велики, но широки и довольно красны, какъ и слѣдуетъ быть у работающей дѣвушки. Говорила она мало, скупно, «я не умѣю говорить», замѣчаетъ она въ рѣдкія минуты, когда рѣшалась высказывать нѣсколько словъ любимому человѣку. Щеки ея вспыхивали безпрестанно «отъ самолюбія и стыдливости» и отъ сознанія своей неразвитости, прибавимъ мы. Перчатокъ она не носила. Вотъ и вся наша героиня.

А нравственное развитіе? спросить читатель. Про ея нравственное развитіе авторъ почти ничего не говоритъ—оно выражается въ дѣйствіи. Изъ нѣсколькихъ замѣчаній мы узнали только, что Мама ничего не читала, стихи ей не нравятся, потому что, какъ простодушно объяснилъ ей зять, «она не только стиховъ, но и сахару не любитъ и вообще ничего сладкаго». Но когда нѣкій практическій человѣкъ Астаховъ сказалъ ей, что стихи не всѣ бываютъ сладкіе и въ доказательство прочелъ ей «Анчаръ» Пушкина, это стихотвореніе такъ ей понравилось, что она попросила его повторить и потомъ списать и ночью одна въ саду вслухъ читала его.

Читатель могъ замѣтить уже только изъ одного портрета, что передъ нимъ является дѣвушка, мало развитая, но не шуточная; что изъ этой дикарки не выйдетъ никогда, какъ изъ пушкинской Татьяны, великосвѣтской, или просто свѣтской женщины; и

что, полюбивъ неудачно, она не выйдетъ замужъ по выбору родительницы за знатнаго генерала.

Вотъ эта-то красивая, нетронутая никакимъ ученіемъ дикарка, эта молодая «цѣлина», какъ называютъ пахари еще дѣвственную землю, полюбила нѣкоего Веретьева. Веретьевъ былъ молодой, красивый и не бѣдный помѣщикъ, обладающій многими талантами: онъ пѣлъ и управлялъ хоромъ, какъ знаменитый цыганъ Илья, бойко рисовалъ; былъ отличнымъ актеромъ; умѣлъ тотчасъ подмѣтить и вѣрно передразнить всѣ смѣшныя стороны, не только человѣка, но и любаго животнаго; кромѣ того онъ былъ не глупъ, искрененъ и вообще добрыхъ побужденій. Его пріатели смотрѣли на него, какъ на богатую натуру и ждали очень много. Едва-ли не такъ поняла его сначала и Марья Павловна, потому что иначе, едва-ли бы позволила себѣ полюбить его. Но, какъ справедливо замѣтилъ авторъ, пріатели и поклонники Веретьева ошибались: изъ такихъ людей всегда ничего не выходитъ. Дѣйствительно, въ нихъ не достаетъ строгаго и настойчиваго отношенія къ дѣлу, для нихъ все забава и трень-трава, все ни почемъ и всѣ ихъ талантики служатъ къ тому, чтобы разнообразить пустоту своей пустой жизни. Кромѣ того Веретьевъ— какъ бы это сказать?—попивалъ, предавался тѣмъ «загуламъ», которые, одно время, нѣкоторые умные и честные люди, тяжелой эпохи 40-хъ годовъ, да простить имъ Богъ, чуть не оправдывали и считали присущими русской широкой натурѣ, а въ безотрадныя минуты даже едва-ли не извинительнымъ выходомъ.

Таковъ былъ молодой человѣкъ, котораго полюбила своимъ глубокимъ чувствомъ Маша—эта изъ цѣльнаго и твердаго куска изваянная дѣвушка. Разумѣется, скоро ея строгій, природный взглядъ открылъ недостатки любимаго человѣка и она становится имъ постоянно недовольна. Веретьевъ, на примѣръ, представляетъ, по просьбѣ сестры, при лицѣ мало знакомомъ, какъ пищитъ муха, когда ловятъ ее на стеклѣ. Всѣ смѣются. «Вотъ охота дѣлать изъ себя шута», замѣчаетъ Маша, сквозь зубы. Въ другой разъ... но лучше мы сдѣлаемъ выдержки изъ разговора Маши на свиданьи съ Веретьевымъ, которыя рисуютъ ее вполне; да и самое свиданье это весьма своеобразно и не походитъ уже на тѣ встрѣчи влюбленныхъ, которыя мы видали доселѣ.

Раннимъ, лѣтнимъ утромъ, мы застаемъ Веретьева на раскинутомъ плащѣ посреди лужайки въ молодомъ березникѣ. Онъ сидѣлъ наклонившись и похлопывая вѣткой по травѣ. Марья Павловна стояла подлѣ него прислонясь къ березѣ и заложивъ назадъ руки. Нѣтъ въ ней ни боязни, что ее увидятъ, ни смущенія любви, ни укоровъ, что вотъ-де на что я для васъ рѣшилась. Маша стоитъ молчаливая и строгая. Веретьевъ ее спрашиваетъ: сердится ли она на него? Маша молчитъ и только на повторенный вопросъ отвѣчаетъ: «да». «За что?» спрашиваетъ Веретьевъ, и она снова не отвѣчаетъ.

«Впрочемъ, вы точно имѣете право сердиться на меня, началъ Веретьевъ послѣ небольшого молчанія. Вы должны считать меня за человѣка не только легкомысленнаго, но даже...

— Вы меня не понимаете, перебила Марья Павловна. Я совсѣмъ не за себя сержусь на васъ.

— За кого-же?

— За васъ самихъ.

— А, понимаю! говорить Веретьевъ. Опять! опять васъ начинаетъ тревожить мысль: отчего я ничего изъ себя не сдѣлаю? Знаете, Маша, вы удивительное существо, ей Богу! Вы такъ много заботитесь о другихъ и такъ мало о себѣ. Въ васъ эгоизма совсѣмъ нѣтъ, право. Другой такой дѣвушки, какъ вы, на свѣтѣ нѣтъ. И одно горе: я рѣшительно не стою вашей привязанности; это я говорю не шутя.

Странно и ново для читателя, ожидающаго въ романѣ, по прежнимъ примѣрамъ, разговора о нѣжныхъ чувствахъ и глубинѣ любви, слышать эти упреки дѣвушки молодому человѣку за то, что тотъ ничего не дѣлаетъ! Но молодой человѣкъ держится еще старой системы: вмѣсто отвѣта на упрекъ, онъ говоритъ, и мы вѣримъ, говорить искренно, о личныхъ чувствахъ, о томъ, что онъ ее не стоитъ.

Вы думаете, Маша станетъ скромничать и опровергать его, ничуть не бывало.

— Тѣмъ хуже для васъ. Чувствуете и ничего не дѣлаете, отвѣчаетъ она.

Веретьевъ хочетъ отдѣлаться шуткой и просить у Маши поцѣловать руку, а Маша только пожала плечомъ.

— Дайте мнѣ вашу красивую честную руку, мнѣ хочется облобызать ее почтительно и нѣжно. Такъ, вѣтранный ученикъ лобызаетъ руку своего

снисходительнаго наставника, продолжалъ Веретьевъ и потянулся къ Марьѣ Павловнѣ.

— Полноте, отвѣчала она. Вы все смѣтаете да нутите и прошутите такъ всю вашу жизнь.

Веретьевъ и эти слова думалъ обратить въ шутку, но Марья Павловна опять остановила его.

— Прошутить жизнь, возражаетъ тогда Веретьевъ, а вы хуже моего распорядитесь,—вы просерьезничаєте всю вашу жизнь. Знаете Маша, вы мнѣ напомнили одну сцену изъ пушкинскаго Донъ-Жуана.

Но Марья Павловна не читала Донъ-Жуана и Веретьевъ пересказываетъ ей извѣстный отвѣтъ Лауры Карлосу, когда тотъ напоминаетъ ей о старости *) и какъ Лаура у Карлоса—очень краснорѣчиво просить, чтобы Маша ему улыбнулась «только доброй, веселой улыбкой, а не вашей обыкновенной усмѣшкой».

Въ этомъ сближеніи, какъ мы видимъ роль

*)

Зачѣмъ

Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Приди, открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ темный воздухъ; ночь лимонемъ
И лавромъ нахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ пустой и темной
И сторожа кричатъ протяжно, ясно!
А тамъ на сѣверѣ—въ Парижѣ—
Быть можетъ небо тучами покрыто;
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ,
А намъ какое дѣло?

«Каменный гость», А. Пушкина.

суроваго Карлоса приходится на долю женщины, а вѣтринную Лауру напоминаетъ мужчина.

Маша это тотчасъ поняла.

— Ахъ, Веретевъ! отвѣчала она; вы знаете, я не умѣю говорить. Вы мнѣ рассказали о Лаурѣ. Но вѣдь она женщина... *Женщины простиительно не думаютъ о будущемъ...*

Но Веретевъ, вѣрный себѣ, и не оспариваетъ Машу; онъ знаетъ, что она права, но ему и лѣнь говорить о дѣлѣ съ ней и вмѣстѣ, какъ будто не хочется спорить съ женщиной: «что дескать толковать съ бабой»? Онъ смотритъ на нее съ точки чисто пластической, и вмѣсто возраженія, дѣлаетъ уже приведенное нами замѣчаніе. «Когда вы говорите Маша, вы безпрестанно краснѣете отъ самолюбія и стыдливости; кровь такъ и приливаетъ алымъ потокомъ въ ваши щеки: я ужасно люблю это въ васъ».

Въ этомъ отвѣтѣ, взглядъ Веретева на женщину совершенно опредѣляется. Та ему говоритъ о его дѣлѣ, а онъ отвѣчаетъ, что ему нравится ея вспыхивающій румянецъ!

Но и Маша остается вѣрна себѣ.

Послѣ этого обращенія къ ея красотѣ, она просто хочетъ уйти. Но Веретевъ останавливаетъ ее обѣщаніемъ сдѣлать все что ей угодно.

Маша тогда рѣшается сдѣлать замѣчаніе о томъ, что онъ попиваетъ, но Веретевъ, весьма неудачно объясняетъ это желаніемъ походить на ласточку, которая смѣло распоряжается своимъ маленькимъ тѣломъ: «Швыряй себя куда хочешь, несись куда вздумается».

— Да къ чему же это? перебила Маша.

— Какъ къ чему же это? *Изъ чего же тогда жить?*

— А развѣ безъ вина этого нельзя?

— Нельзя, всѣ мы попорчены, измяты. Вотъ страсть—та такое же производитъ дѣйствіе. Оттого-то я васъ и люблю.

— Какъ вино... Покорно благодарю.

— Нѣтъ! Маша, я васъ люблю не какъ вино; постойте, я вамъ это докажу когда мы женимся и поѣдемъ за границу. Знаете, я уже заранѣе думаю, какъ я приведу васъ передъ милосскую Венеру. Вотъ кстати будетъ сказать:

«Стоитъ ли съ важностью очей
Передъ Милоскою Кипридой,
Ихъ двѣ; и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой....»

Мы съ умысломъ сдѣлали это больше извлечение, потому что слова Веретьева лучше всего рисуютъ Машу.

Неправдали-ли, въ этой степной дѣвушкѣ есть дѣйствительно нѣчто, напоминающее Римъ и Грецію. Не ту Грецію или Римъ, которые въ сущности были безобразны, а то что сохранилось отъ нихъ лучшаго въ преданіи и искусствѣ. Портретъ Маши, кажется, срисованъ съ одной изъ статуй ватиканскаго музея! Не даромъ даже одинъ прощальга совѣтующій Астахову на ней жениться, выражается про нее: «Вѣдь это не женщина—это просто монументъ!» Положительно во всей русской литературѣ мы не встрѣчаемъ такой цѣльной, крупной, такой

строгой, хоть нѣсколько грубой женщины. Да, впрочемъ, подобная женщина и не можетъ быть нѣжной, и невольно задаешь себѣ вопросъ: какимъ образомъ могла явиться Маша въ тѣ времена среди нашихъ мелкихъ, изломанныхъ на всѣ лады или мягкихъ какъ тѣсто женщинъ? Но прежде нежели займемся этимъ вопросомъ, скажемъ нѣсколько словъ о чело-вѣкѣ, котораго полюбила Маша, тѣмъ болѣе, что о немъ писать отдѣльной статьи, мы не нашли нужнымъ.

Веретевъ — это измельчавшій и спустившійся на болѣе практическую точку типъ тѣхъ «художниковъ», которыми такъ охотно занималась литература кукольниковскихъ временъ, художниковъ, для которыхъ въ жизни только и есть что неистовыя страсти, красоты и безцѣльное искусство. Правда въ Веретевѣ нѣтъ этой бури чувствъ, которыми были одержимы его прототипы, взгляды его на жизнь и на самыя чувства гораздо легче, въ немъ есть нѣкоторыя нотки, которыя намекаютъ уже на другой, еще не совсѣмъ опредѣлившійся взглядъ на женщину напр. упоминаніе о «честной» рукѣ Маши, или эти слова: «за то я люблю васъ, Маша, что вы не свѣтская барышня, не смѣетесь безъ нужды, не носите перчатокъ на вашихъ рукахъ, которыя и цѣловать оттого такъ весело, что онѣ загорѣли и силу въ нихъ чувствуешь... Я люблю васъ за то, что вы не умничаете, что вы горды, молчаливы, книгъ не читаете, стиховъ не любите»... Не правда-ли, что эти особенности, которыя Веретевъ полюбилъ въ Машѣ, выказываютъ въ немъ поворотъ къ иному взгляду и инымъ требованіямъ,

и если насъ поражаетъ въ немъ упоминаніе о такомъ достоинствѣ Маши, какъ то, что она книгъ не читаетъ, то, вспомнивъ какимъ чтеніемъ пробавлялось большинство тогдашнихъ женщинъ, особенно живущихъ въ захолустьѣ, и какъ дѣйствовали на воображеніе женщины пошлые романы, согласишься съ Веретьевымъ, что эта нелюбовь къ чтенію была дѣйствительно въ то время достоинствомъ, которому Маша обязана независимостью и чистотой своего взгляда.

Веретьевъ унаслѣдовалъ также отъ художниковъ и ихъ «загуль», и ихъ безхарактерность; но у него мѣткій природный умъ; его взглядъ на самую красоту не глубокъ, но не лишенъ поэтичности и прелести. Вотъ небольшая конечная сцена свиданія, которую приводимъ для полной характеристики героини, потому что въ ней и у строгой Маши прорвалась ея холодная оболочка, и она является стыдливой, любящей и поэтичной женщиной.

Веретьевъ хочетъ во что бы то ни стало разсмѣшить Машу, и ему это удалось, передразнивъ пробѣжавшаго и остановившагося зайца. Маша улыбается,—и Веретьевъ, восторгаясь ею, говоритъ вышеприведенныя слова за что онъ ее любитъ. При упоминаніи о томъ, что она стиховъ не любитъ, Маша замѣчаетъ ему, что она знаетъ стихи и предлагаетъ прочесть «Анчара». Веретьевъ, разумѣется, проситъ — Маша исполняетъ его желаніе. При первомъ стихѣ Марья Павловна мгновенно подняла глаза къ небу, ей не хотѣлось встрѣчаться взорами съ Веретьевымъ. Она читала своимъ ровнымъ мягкимъ голосомъ напоминающимъ

звуки віолончели, но когда она дошла до стиховъ:

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки,

ея голосъ задрожалъ, недвижныя, надмѣнныя брови *приподнялись наивно, какъ у дѣвочки*, и глаза съ невольной преданностью остановились на Веретьевѣ.

Онъ вдругъ бросился къ ея ногамъ и обнялъ ея колѣна.

— Я твой рабъ, воскликнулъ онъ: — я — у ногъ твоихъ, ты мой владыка, моя богиня, моя великая Гера, моя Медея.

«Марья Павловна хотѣла оттолкнуть его: но рука ея замерла на густыхъ его кудряхъ, и она съ улыбкой замѣшательства уронила голову на грудь...»

Какая прелестная сцена, и какъ она дорисовываетъ фигуру этой строгой античной дѣвушки! Мы до сихъ поръ видѣли только красивую, суровую и разумно-холодную дѣвушку. Теперь этотъ холодъ разступился, суровая оболочка прорвалась, и какая стыдливая нѣжность проглянула сквозь нихъ! Какъ неожиданно хороша и удивительно схвачена эта перемѣна, которую сдѣлали одни «приподнявшіяся, какъ у наивной дѣвочки, «недвижныя брови» и какъ согрѣлъ всю эту холодную и строгую фигуру взглядъ ея, съ невольной преданностію остановившійся на обнимающемъ ея колѣни безпутномъ, но миломъ человѣкѣ.

Всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныя нами женскіе типы были типы «барышень». Въ Машѣ мы впервые видимъ просто дѣвушку. Если мы спросимъ себя, какимъ образомъ сложилась такая стро-

гая и цѣльная натура среди дряблости, испорченности, вездѣ и всюду встрѣчаемой кругомъ, то должны сознаться, что этими достоинствами Маша обязана единственно тому, что росла и развивалась въ «затишьѣ» куда еще такъ мало проникли свѣтскія требованія, что помѣщики ѣздятъ даже на именины въ сюртукахъ; тому, что Маша развивалась уединенно, самостоятельно, что она не читала книгъ, не имѣла никакихъ руководительницъ въ родѣ М-ше Розье или старухи Лариной. Отъ этого умственные способности ея лишены всякой гибкости и наружной отдѣлки: она, какъ сама сознается, и говорить не умѣетъ и въ обществѣ большей частью молчитъ или отвѣчаетъ двумя—тремя словами; въ свѣтскомъ кругу она вѣроятно была неловка, намъ даже странно было вообразить такую дѣвушку на балѣ. Самъ авторъ очень хорошо это чувствовалъ и съ свойственной ему тонкостью пониманія не говоритъ вовсе о томъ, что Маша дѣлала на этомъ балѣ и отвлекаетъ отъ нее на это время вниманіе читателя другими лицами.—За то все хорошее, что дала природа этой дѣвушкѣ, развилося въ ней самостоятельно, пустило прямые и глубокія корни. Въ ней мы замѣчаемъ вполнѣ то, что отчасти видѣли въ Татьянѣ, пока она не приняла и не усвоила себѣ нравственнаго кодекса своей маменьки и московскихъ тетушекъ. Но Татьяна читаетъ романы, она пишетъ къ Овѣгину письмо по-французски, потому что это было принято, да можетъ и легче ей, — значитъ, у нея кромѣ няньки была своя madame Розье, о которой авторъ не упомянулъ, и значитъ, она читала или

много говорила по-французски. Это впрочем, не только не мѣшало ей оставаться типической русской барышней, но даже способствовало къ тому, ибо «барышня» безъ французскаго языка и тогда, какъ отчасти и нынѣ, была немыслима.

Маша едва-ли знаетъ по французски, и если знаетъ, то говоритъ, конечно, плохо; она рѣшительно лишена тѣхъ маленькихъ пріятныхъ качествъ и умѣнья жить, которыя даются дешевымъ-свѣтскимъ воспитаніемъ; практической и свѣтской человѣкъ Астаховъ при всѣхъ усиліяхъ не можетъ завести съ ней разговора и она скучаетъ. Маша это сознаетъ сама и, когда она говоритъ даже съ такимъ близкимъ ей человѣкомъ, какъ Веретьевъ, то безпрестанно краснѣетъ «отъ стыдливости и самолюбія». Но за то ея природныя свойства развились въ ней тѣми сторонами, которыя навѣрное заглушило бы или изказило тогдашнее воспитаніе. Выборъ Машею любимаго человѣка былъ чрезвычайно несчастливъ; вѣроятно Веретьевъ поразилъ ее неопытный взглядъ своимъ поэтическимъ складомъ ума, богатствомъ мысли и способностей; но чуть она присмотрѣлась къ нему, это богатство не помѣшало ей разглядѣть подъ нимъ чрезвычайную скудость самостоятельности и глубины. Эти наружныя блески не обольщаютъ Маши, полюбивъ разъ — она любила Веретева такъ, какъ его мелкая душа никогда не въ состояніи ей отвѣчать, но несмотря на всю силу чувства, она ничуть не поддается любимому человѣку не гнется передъ нимъ. Во все время свиданія, на которое привелъ насъ авторъ, мы видѣли, что Маша постоянно го-

сподствовала надъ Веретьевымъ, что ни просьбы и моленія ловкаго и красиваго человѣка, ни ея чувства къ нему не заставили ее на волосъ отступить отъ своей требовательности. Маша еще до многоаго не додумалась, потому что до всего ей нужно было додуматься самой; она еще полагаетъ, что женщинѣ извинительно не думать о будущемъ; но что выработалось въ ней, выработалось крѣпко и здраво. Она уже сознала, что мужчина долженъ дѣлать дѣло, долженъ строго относиться къ жизни, а не удовлетворяться ласточкинымъ порханіемъ и срываніемъ «цвѣтовъ удовольствія». И она прежде всего неотступно требуетъ этой дѣльности отъ любимаго человѣка.

Но ни сила характера, ни строгость внутренняго закона, не спасли чудную дѣвушку, при ея глубокомъ чувствѣ, отъ послѣдствій несчастнаго выбора.

Красивый и талантливый Веретьевъ предался, какъ выражаются руссофилы, загулу и уѣхалъ куда-то съ цыганами; впоследствии, впрочемъ, мы встрѣчаемъ его на Невскомъ въ фуражкѣ и съ крашеными усами, горячо и ядовито отзывающагося о безпутности и свѣтской пустотѣ и удаляющагося въ накуренную бильярдную трактира, гдѣ онъ большею частію и пребываетъ.

Но для Маши онъ пропадаетъ; ея просьбы требованія, любовь—все забыто, и самъ онъ бросаетъ ее одну съ ея неудовлетвореннымъ чувствомъ въ затишьѣ. Понятно, какъ долженъ былъ отразиться такой поступокъ на дѣвушкѣ съ такой натурою, какъ Маша. Ея непривычка къ свѣтскимъ удоволь-

ствіямъ, чтенію — словомъ къ какому нибудь легкому и пріятному убиванію времени, строгость, взгляда, не позволяющаго ей мириться съ мелочами и пошлостью, недостатокъ дѣла, которое бы замѣнило ей любовь—все усиливало въ ней ея глубокое чувство и всецѣло отдавало на жертву ему— и она сдѣлалась жертвой этого чувства.

Темный, долго тянувшійся осенній вечеръ стоитъ надъ маленькимъ деревенскимъ домикомъ. Вѣтеръ воетъ кругомъ; двое стариковъ отъ скуки играютъ въ шашки; мертвенность, скука, бездѣятельность царятъ здѣсь вполне. Этотъ застой нарушаетъ своимъ пріѣздомъ практической Астаховъ: посылаютъ за Машею. Маша выходитъ, но уже не та здоровая, самостоятельная и дѣятельная Маша, которую мы видѣли вначалѣ: «Румянецъ исчезъ съ ея похудѣвшихъ щекъ, широкая черная кайма окружила ея глаза; горько сжались губы; все лицо ея неподвижное и темное казалось окаменѣлымъ». Вечеръ прошелъ въ убійственной скукѣ; вспоминали лѣто, охали. Астаховъ подговаривался было, чтобы Маша спѣла что нибудь, но Маша и не отвѣтила ему. Пріѣздъ Астахова былъ, должно полагать, послѣдней каплей, которая переполнила чашу накопившейся горечи для бѣдной дѣвушки. Самъ по себѣ Астаховъ былъ для нея ничто, но онъ и его разговоръ напомнили ей тѣ короткіе, невозвратно ушедшіе, красные дни, когда разцвѣтало и зрѣло ея чувство.

И вотъ, когда всѣ разошлись спать, бѣлая тѣнь мелькнула между облетѣвшихъ деревьевъ сада; глухо плеснула холодная волна въ прудѣ... еще ми-

нута и все будетъ кончено. Но, когда смерть стала лицомъ къ лицу, молодая, за-даромъ погибающая жизнь проснулась. Говорять, что когда человекъ погружается въ воду, то передъ нимъ вдругъ, мгновенно какъ бы проносится вся пережитая жизнь. Необыкновенная возбужденность мозга допускаетъ возможность этого факта. Можетъ быть, въ это послѣднее мгновеніе, когда Маша погружалась въ темную воду, съ ней случилось нѣчто подобное: вспыхнувшее послѣдней силой сознание можетъ быть сказало ей, что человекъ, изъ за котораго она гибнетъ, не стоитъ ея чувства, что самое чувство измѣняется, что жизнь хороша, и есть на землѣ нѣчто, кромѣ любви, столь же великое и глубокое. Какъ-бы то ни было, но она, съумѣвшая бы умереть молча—дрогнула. Крикъ о помощи два раза вырывается изъ встрепенувшейся груди, и этотъ крикъ слишкомъ поздно пробудившагося сознания—черта глубоко трагическая. Но пока его услышали, пока зажгли фонари и собрался испуганный людъ—смерть сдѣлала свое дѣло и холодная вода задушила могучую жизнь, не съумѣвшую найти иного выхода...

V.

Л и з а.

(Изъ «Дворянскаго гнѣзда».)

Мы нѣсколько отступаемъ отъ хронологическаго порядка, занимаясь настоящей героиней прежде Натальи, влюбленной въ Рудина; но дѣло въ томъ,

что Лиза не составляет необходимаго звѣна въ порядкѣ развитія русской женщины. Лаврецкій долженъ былъ явиться послѣ Рудина, какъ чело-вѣкъ дѣла, хотъ какого нибудь дѣла, послѣ чело-вѣка мысли; но Лиза любитъ Лаврецкаго не по его соціальному значенію, — она полюбила его просто какъ честнаго и хорошаго чело-вѣка. Она въ этомъ случаѣ не служить и указаніемъ посте-пеннаго, нравственнаго развитія нашей женщины и могла явиться раньше и позже; но она любо-пытна намъ въ другомъ отношеніи и даетъ намъ случай остановиться на другихъ вопросахъ. Поэтому мы и не выключаемъ ее изъ нашихъ этюдовъ.

Намъ опять придется быть свидѣтелями без-полезной гибели честной и энергической дѣвушки, но гибели еще болѣе грустной, чѣмъ утопившейся Маши. Лиза Калитина— молоденькая, хорошенькая дѣвушка, дворянка и помѣщица. Одѣвается она и держитъ себя просто, умно, степенно, не обладаетъ особыми талантами, но трудолюбива и набожна. Откуда въ ней явились эти качества, за исключе-ніемъ послѣдняго? трудно объяснить; трудно по-тому, что вообще не легко уловить причины, по-влявшія на таковую или иную сторону характера, но еще труднѣе это сдѣлать у насъ, гдѣ жизнь складывается изъ группы такихъ совершенно слу-чайныхъ и разнообразныхъ вліяній, что по здравому сужденію изъ всякаго русскаго дворянина должно бы выйти нѣчто въ родѣ тѣхъ блюдъ, которыя го-товилъ гоголевскій поварь, имѣющій привычку ва-лить въ кушанье все, что попадалось подъ руку, — лукъ такъ лукъ, сахаръ такъ сахаръ, а тамъ

вкусъ какой нибудь да выйдетъ. Отчего у Лизы Калитиной является простота обращенія, склонность къ всему честному, справедливому? Конечно не отъ взяточника отца и пустѣйшей матери. Развѣ отъ той же няньки, которая приучила ее къ набожности? Быть можетъ! Нянька эта была дѣйствительно замѣчательнаго характера. Крестьянская, хорошенькая дѣвочка, выданная рано за мужика, потомъ баринова любовница, ходившая въ шелку, потомъ скотница, опять экономка, нянька,— она вездѣ держитъ себя одинаково ровно, вездѣ хорошо, не зазнается и не унижается, не гордится и не падаетъ. Такой характеръ, кончившійся набожностью и удаленіемъ въ скитъ, конечно, могъ повліять на впечатлительную дѣвушку. А дѣвочка, Богъ вѣсть по какимъ причинамъ, сохранилась во многихъ отношеніяхъ весьма счастливо. Къ ней не пристали мелочность и дрянность матери и разныхъ Гедеоновскихъ, окружающихъ ее дѣтство. Но умственными способностями не блещитъ Лиза; онѣ въ ней совершенно дремлютъ. За Лизой ухаживаетъ пустой, свѣтскій пройдоха Паншинъ и проситъ ея руки.— Она не любитъ Паншина, но онъ, какъ говорится, ей не противенъ и она не различаетъ его пустоты и лживости и, видя желаніе матери, готова была выйти за него замужъ, по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ иной вовсе не чувствующій голода человѣкъ садится за столъ, когда его уговариваютъ; вѣдь надо же пообѣдать! Но Лизѣ подвертывается Лаврецкій, человѣкъ честный, прямой; онъ находится въ положеніи, воз-

буждающемъ вниманіе Лизы; она съ нимъ, какъ съ роднымъ, скоро сближается и потомъ любитъ его.

Лаврецкій, какъ читатель можетъ быть припомнить, бросилъ въ Парижѣ обманувшую его жену, которую любилъ страстно. Первый порывъ горя въ немъ утихъ, онъ пріѣхалъ домой и Лиза — совершенная противоположность его лукавой жены — привлекаетъ его своею правдивостью, искренностью и нѣсколько мистической наивностью. Эта миловидная наивность и искренность не позволяютъ Лаврецкому замѣтить, что въ хорошенькой головкѣ его родственницы не все въ порядкѣ.

Безпорядокъ въ хорошенькой головкѣ открывается со второй встрѣчи. Лизу видно что-то поразило въ положеніи Лаврецкаго, ей хочется что-то исправить въ немъ — и вотъ она робко, но настойчиво, спрашиваетъ Лаврецкаго, какъ онъ рѣшился оставить жену, «разлучить то, что Богъ соединилъ?» Лаврецкій отвѣчаетъ ей, что его убѣжденія въ этомъ съ ея не сходятся. Лиза поблѣднѣла, слегка затреникала, но продолжала настаивать на томъ, что Лаврецкій долженъ простить, «чтобы и его простили». Кто простилъ и въ чемъ простилъ, — она не договариваетъ и вѣроятно весьма бы затруднилась объяснить, если-бы Лаврецкій догадался спросить ее. Но Лаврецкій замѣчаетъ только Лизѣ, что жена его чувствуетъ себя очень хорошо, что онъ ей даетъ деньги и предоставилъ свободу и что ни въ какомъ прощеніи она нужды не чувствуетъ. Однако Лиза, съ той же засѣвшей въ ея головѣ какой-то занозой, возражаетъ, что если съ нимъ

случилось несчастіе, то надо покориться «ибо, если мы не будемъ покоряться»... Но тутъ Лаврецкій не выдержалъ, всплеснулъ руками и топнулъ ногой. Мы бы должны были выписать всѣ разговоры Лизы съ Лаврецкимъ, если-бы хотѣли показать ту путаницу, которую несознанныя и находящіяся въ какомъ-то хаотическомъ безпорядкѣ религіозныя идеи произвели въ неразвитой молодой головкѣ. «Христіаниномъ нужно быть не для того, чтобы познавать небесное... земное... а для того, что каждый человекъ долженъ умереть».... говоритъ она, не безъ нѣкотораго усилія, Лаврецкому, и Лаврецкаго, кажется, заражаетъ эта смутность понятій. вмѣсто того, чтобы хоть сколько нибудь разъяснить ихъ, онъ возражаетъ:

— Какое это слово вы произнесли...

— Это слово не мое... отвѣчаетъ Лиза.

Дѣйствительно это слово не ея должно быть, и не потому не ея, что (какъ разъ выразилась про себя ея горничная) у ней «своихъ словъ нѣтъ», а потому что, видимо, эти слова услышаны ею въ дѣтствѣ, по всей вѣроятности отъ няньки, — да такъ и остались заученными, не продуманныя, не переработанныя сознаниемъ.

И вотъ дѣвушкѣ съ такими-то понятіями пришлось справляться съ положеніемъ, передъ которымъ становятся въ тупикъ и не такія, какъ ея головы. Лиза влюбляется въ Лаврецкаго, полагая, что жена его умерла и вдругъ оказывается, что жена эта жива и, вдобавокъ, съ самымъ беззащитнымъ лбомъ возвращается къ мужу. Бѣдная Лиза поражена, но она знаетъ, что дѣлать.

— Намъ обоимъ остается исполнить свой долгъ! говоритъ она Лаврецкому. Вы должны примириться съ вашей женой.

— Лиза!

— Я васъ прошу объ этомъ; этимъ однимъ можно загладить... все что было!

Читатель, незнакомый съ самой повѣстью, подумаетъ, что между Лизой и Лаврецкимъ было дѣйствительно нѣчто ужасное, что они совершили какое-то страшное преступленіе, требующее искупленія... А въ самомъ дѣлѣ было вотъ что. Они нечаянно встрѣтились ночью въ саду и Лаврецкій, думая, что онъ свободенъ, дерзнулъ сказать Лизѣ: «я васъ люблю, я готовъ отдать вамъ всю мою жизнь...»

— Это все въ Божьей власти, промолвила она. И когда голова Лизы опустилась къ нему на плечо, Лаврецкій «коснулся ея блѣдныхъ устъ».

И такъ, вотъ ужасное злодѣяніе, за которое ниспослано имъ—по мнѣнію Лизы—наказаніе! Вотъ преступленіе, которое нужно загладить!

Лаврецкій соглашается исполнить то, что Лиза считаетъ его долгомъ, и что въ сущности было сожителемъ съ женой въ одномъ домѣ, которое бы прикрывало распутство жены.

— Ну, а въ чемъ же *вашъ* долгъ? спрашиваетъ въ свою очередь Лаврецкій, согласившійся исполнять то, что глупенькая Лиза считала его обязанностью.

Лиза не отвѣчала ему. Но скоро этотъ долгъ разъяснился: бѣдная дѣвушка сочла нужнымъ навѣки схоронить себя въ монастырѣ!

Прежде нежели мы сдѣлаемъ какой-нибудь выводъ изъ этого разбора, мы напомнимъ читателю одну изъ повѣстей того же автора «Дворянскаго гнѣзда», озаглавленную «Странная исторія». Въ этой повѣсти Тургеневъ рассказываетъ намъ о своемъ знакомствѣ съ другой дѣвушкой, съ дочерью богатаго помѣщика, которая тоже говорила ему и кажется еще во время мазурки о необходимости покориться. Справедливость требуетъ замѣтить, что Софья, (такъ звали ее) и мазурку танцевала точно совершая какой-то долгъ.

Черезъ нѣсколько времени дѣвушка эта исчезаетъ изъ своего дома и авторъ встрѣчаетъ ее на постояломъ дворѣ, въ сарафанѣ, омывающею ноги какому-то полоумному, носящему вериги, грязному юродивому. Этого юродиваго дѣвушка избрала, какъ своего учителя, и всюду слѣдуетъ за нимъ.

И такъ, вотъ въ третій разъ мы встрѣчаемся съ русскими женщинами, покоряющимися тому, что онѣ называютъ «долгомъ». Понятіе о долгѣ у всякаго можетъ быть различно; но тотъ долгъ, которому слѣдовали Татьяна, Лиза и Софья, имѣетъ одну общую черту покорности и преклоненія и составляетъ, повидимому, признакъ совершенно русскаго женскаго пониманія долга; Татьяна, Лиза и Софья носятъ на себѣ всѣ слѣды именно русской жизни, и рассказъ о послѣдней даже, какъ извѣстно, взятъ съ дѣйствительнаго событія. Да и не откуда выработаться такому пониманію долга, какъ не на русской, приниженной почвѣ, мы даже знаемъ, что Лиза и Софья почерпнули его прямо изъ народнаго слоя, прошедшаго черезъ дѣвичью

въ дѣтскую, а Татьяна изъ той же барской дѣтской, съ примѣсю барской опочивальни.

Мы, разумѣется, не станемъ тратить время на доказательство вреда такого рода понятій, которыя честныхъ, энергическихъ и счастливо одаренныхъ дѣвушекъ обращаютъ въ самомъ цвѣтѣ жизни одну— въ холодную, великосвѣтскую ханжу, другую— въ монахиню, а третью— въ прислужницы къ полоумному юродивому. Съ насъ достаточно только указать на вредъ всякихъ началъ, хотя бы и народныхъ, но принимаемыхъ безъ повѣрки, и на положеніе женщинъ того недавняго времени, когда ученье и даже литература не указывали выхода, а, искалѣченные до тупости преданія и ложныя ходячія понятія о долгѣ вели къ нравственному самоуниженію и физическому самораствлѣнію.

Татьяна Пушкина, Лиза и Софья Тургенева останутся надолго для размышляющихъ читателей печальными, придорожными крестами, говорящими о безвременно погибшихъ молодыхъ дѣвушкахъ, безцѣльно убитыхъ тѣмъ варварскимъ безсмысленнымъ проводникомъ, котораго дало имъ съ ложнымъ паспортомъ долга народное невѣжество и слѣпой фанатизмъ.

VI.

Наталья и Елена.

(Изъ „Рудина“ и „Наканунъ“).

Мы все еще не выходимъ изъ области любви и личныхъ увелеченій. Русскія дѣвушки, лучшія

изъ русскихъ дѣвушекъ, еще не выбиваются изъ той глубокой колеи, въ которую старая жизнь вдвинула женщину, и не только у насъ, но и въ странахъ далеко насъ опередившихъ по своему развитію. Дѣвушка еще не думаетъ идти самостоятельно, прокладываетъ себѣ свою тропу; она еще не понимаетъ иной дѣятельности, какъ дѣятельность помощницы и послѣдовательницы мужчины, иного пути, какъ по слѣдамъ своего избраннаго. Но и на этомъ пути замѣтна уже перемѣна. Строже и строже начинаетъ дѣвушка дѣлать выборъ и отдаетъ свое чувство, всю себя, только такому человѣку, который пробуждаетъ въ ней струны, доселѣ не звучавшія. Это уже не струны, отзывающія лишь на вопросы личнаго счастія, или темныя, мистическія стремленія; тутъ пробуждается живая мысль и, вмѣсто извнѣ навязанныхъ формъ, является ясное сознаніе о служеніи дѣлу жизни. Слова: «правда», «человѣческая свобода», — впервые произносятся устами русской дѣвушки.

Между названными нами женскими именами, Натальей Ласунской и Еленой Стаховой, по воспитанію, положенію и характеру—мало общаго. Наталья, дочь аристократки, да еще воспитанной некогда поэтками, слывшей за умницу и имѣющей привычку собирать «салоны». Ей всего семнадцать лѣтъ; она не успѣла еще и физически вполнѣ развиться, была худа, смугла, слегка горбилась, но черты ея были красивы и правильны. Она дѣвушка спокойная, сосредоточенная, училась прилежно, читала и работала охотно, чувствовала глубоко и сильно, но не высказывалась; мать ея не подозрѣ-

вала тайную работу ея мысли и была не высокаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ дочери. «Наташа у меня къ счастью холодна», говорила она, «не въ меня... тѣмъ лучше. Она будетъ счастлива» и называла ее въ шутку *mon honnête homme de fille*. Мать, вѣроятно, чувствовала, что есть въ дочери нѣчто мужески-честное, чего въ себѣ и другихъ женщинахъ не встрѣчала. Прибавимъ къ этому, что Наталью довоспитывала старая дѣва *m-lle Boncourt*, которая слѣдила за ней неотступно и заставляла читать историческія книги, что поклонникомъ ея былъ красивый, честный, но едва умѣющій говорить, отставной гвардеецъ, и что ничто, повидимому, не тяготило, не возмущало Наталью: она тихо думала и зрѣла. Не такова нервичная Елена. Въ выраженіи ея лица, внимательномъ и пугливомъ, въ ясномъ, но измѣнчивомъ взглядѣ, въ напряженной улыбкѣ, тихомъ и нервномъ голосѣ—было что-то электрическое, порывистое, нетерпѣливое. Все ее волновало, возмущало; вся она, даже въ походкѣ, словно стремилась къ чему-то. Не даромъ мать ея всегда тихо волновалась; только то, что въ матери было пріятное раздраженіе—у дочери вошло въ кровь. Происхожденіемъ Елена принадлежала къ тому среднему дворянскому кругу, въ жилахъ котораго есть кровь и русскихъ бояръ и татарскихъ князей, и Митюшки-цѣловальника; просторомъ пользовалась она полнымъ, за ней не слѣдовала никакая *m-lle Boncourt* и никто не мѣшалъ ей подружиться съ нищей дѣвочкой Катей, которой можетъ быть она обязана пробужденіемъ многихъ хорошихъ мыслей.

Но не смотря на всю противоположность по положенію и по натурѣ, у Натальи и Елены есть одна общая имъ нравственная черта; обѣ онѣ отозвались сердцемъ на голосъ людей дѣла, честнаго и жизненнаго дѣла; чувство ихъ не было однимъ порывомъ молодости, оно было сознательно и разумно; ихъ влекли не одни личные достоинства ихъ избранныхъ, не ихъ способность, несчастіе, красота, или, какъ Вѣру къ Печорину, взоръ, «обѣщающій блаженство», — а цѣль жизни этихъ людей ихъ нравственный идеаль. Стремленія этихъ дѣвушекъ были добровольны, даже самовольны, а не выпрошены или вынуждены болѣе или менѣе ловкимъ волокитствомъ; наконецъ, узнавъ свое разумное чувство — обѣ онѣ неторговались уже съ нимъ, не стѣснялись препятствіями и обстоятельствами, не справлялись съ чужимъ уставомъ, а смѣло шли впередъ и все отдались влеченію, которое не было для нихъ само себѣ цѣлью, а стало дѣломъ всей жизни. И въ этомъ отношеніи, сдержанная дочь аристократки едва-ли не станетъ еще выше демократической дворянки.

Въ деревенскій салонъ Дарьи Михайловны Ласунской, — она не только въ Москвѣ, но и въ деревнѣ устраивала «салонъ», — въ этотъ салонъ на мѣсто ожидаемаго нѣкоего замѣчательнаго барона, является никому неизвѣстный высокій, сутуловатый человѣкъ, лѣтъ 35, курчавый, смуглый, съ неправильнымъ, но выразительнымъ и умнымъ лицомъ, въ узкомъ и подержанномъ платьѣ. Называетъ онъ себя Рудинымъ. Дарья Михайловна, какъ свѣтская барыня, принимаетъ гостя привѣт-

ливо и вводитъ его въ разговоръ. Отъ гостя никто ничего не ожидаетъ особеннаго и даже желчный Пигасовъ думаетъ на немъ поострить свой языкъ. Но сильные люди не долго остаются не признанными. Мелкіе уколы Пигасова вызвали у Рудина такіе отвѣты, съ которыми Пигасовымъ ладить не въ моготу. На Рудина обращаютъ вниманіе, онъ сначала стѣсняется, но потомъ оживляется, говорить, и чрезъ нѣсколько минутъ все столпилось около него, смолкло и жадно слушаетъ: громъ загремѣлъ! Да, это былъ громъ, предвѣстникъ того дождя, котораго такъ жадно ждали избранные люди, скитавшіеся по песчаной степи тогдашняго времени; этотъ громъ былъ изъ той тучки, которая начала уже собираться на безжизненномъ небѣ. Наташа не принадлежала къ чающимъ; громъ былъ для нея совершенно неожиданъ, но онъ, какъ вѣшній громъ, вызвалъ въ ея душѣ такія мысли, которыя безъ него, можетъ быть, никогда бы не явились у Наташи и умерли бы съ нею задавленныя окружающею гнилью, самой ей невѣдомая, ею не сознанныя.

«Обиліе мыслей мѣшало Рудину выразаться ясно и точно, — говоритъ авторъ. Образы смѣнялись образами, сравненія, то неожиданно смѣлыя, то поразительно вѣрныя, возникали за сравненіями... Не самодовольной изысканностью опытнаго говоруна, — вдохновеніемъ дышала его нетерпѣливая импровизація. Онъ не искалъ словъ, они сами послушно и свободно приходили къ нему на умъ, и каждое слово, казалось, такъ и лилось прямо изъ души, пылало всѣмъ жаромъ убѣжденія. Рудинъ

владѣлъ едва-ли не высшей тайной—музыкой краснорѣчія. Онъ умѣлъ, ударяя по однѣмъ струнамъ сердца, заставлятъ смутно звенѣть и дрожать всѣ другія. Иной слушатель, пожалуй, и не понималъ въ точности о чемъ шла рѣчь, но грудь его высоко поднималась, какія-то завѣсы разверзались передъ его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди. Всѣ мысли Рудина казались обращенными въ будущее; это придавало имъ что-то молодое и стремительное».

Наташа вся обратилась въ слухъ. Лицо ея покрылось румянцемъ, взоръ, неподвижно устремленный на Рудина, и потемнѣлъ и заблесталъ. Возвратясь къ себѣ въ комнату, она не могла заснуть: голова ея была наполнена совсѣмъ новыми для нея мыслями и страшно работала; всю ночь она пролежала съ глазами устремленными въ темноту и ни на минуту не сомкнула ихъ...

Рудинъ остался гостить у Ласунской и часто бесѣдовалъ съ Наташей. Наташа жадно внимала его рѣчамъ. Она старалась вникнуть въ ихъ значеніе; она повергала на его судъ всѣ свои мысли, всѣ сомнѣнія: Рудинъ былъ ея наставникомъ, болѣе — ея вождемъ. Онъ читалъ ей замѣчательнѣйшія произведенія нѣмецкой литературы, объяснялъ ихъ, и дивные образы, новыя, свѣтлыя мысли такъ и лились въ душу; и въ сердцѣ ея, потрясенномъ благородной радостью великихъ ощущеній, тихо всплывала и разгоралась святая искра восторга. Сначала одна голова кипѣла у Наташи, но, говорить авторъ, «молодая голова кипитъ не долго»... Наташа полюбила Рудина.

Мы не будемъ слѣдить, какъ закралась любовь въ это молодое сердце. Наташа сама сначала не сознаетъ своего чувства; она робко, едва выказываетъ его, но когда Рудинъ говоритъ, какъ онъ счастливъ ея любовью, Наташа переспрашиваетъ его, дѣйствительно ли такъ, и, получивъ увѣренія, приподняла стыдливо опущенную голову, обратилась къ Рудину молодымъ, взволнованнымъ лицомъ и твердо сказала:

— Знайте же, я буду ваша!

Вотъ какъ отвѣтила Рудину современная ему дѣвушка, Да! это были смѣлыя и честныя слова, особенно смѣлыя и честныя въ устахъ 17-ти лѣтней дѣвушки, съ дѣтства приучаемой къ сдержанности, съ колыбели и до развитія неотступно стерегомой какимъ нибудь аргусомъ въ родѣ m-lle Beoncourt. Какая великая разница между этимъ прямымъ, изъ сердца идущимъ хотя и стыдливо высказаннымъ, отвѣтомъ и тѣмъ «обратитесь къ ташан», которымъ отвѣчаютъ, обыкновенно, на признанія свѣтскія дѣвушки иныхъ Ласунскихъ!... И слова эти были не напрасны. Когда объясненіе Наташи было подслушано и доведено до свѣдѣнія матери ея услужливымъ прихвостнемъ и двусмысленной должности секретаремъ Пандалевскимъ, Наташа сама назначаетъ Рудину послѣднее и рѣшительное свиданіе—на которомъ все должно опредѣлиться окончательно.

Читатель, можетъ быть, помнить это тяжелое свиданіе, гдѣ человѣкъ, проповѣдовавшій о трудѣ, независимости и смѣлости, — не нашелъ ничего лучшаго, какъ посоветовать отдающейся ему дѣ-

вушкѣ — покориться. Не на то шла Наталья, не того она ожидала, и разочарованіе ея должно быть ужасно.

— Я не о томъ плачу, о чемъ вы думаете, говорить она. Мнѣ не то больно, мнѣ больно то, что я въ васъ обманулась. Какъ! я прихожу къ вамъ за совѣтомъ, и въ какую минуту, и первое ваше слово: покориться!.. Покориться?! Такъ вотъ какъ вы примѣняете на дѣлѣ ваши толкованія о свободѣ, жертвахъ, которыя... Голосъ ея прервался.

— Вы спрашиваете меня, что я отвѣтила моей матери, когда она объявила мнѣ, что скорѣе согласится на мою смерть, чѣмъ на бракъ мой съ вами: я ей отвѣтила, что скорѣе умру, чѣмъ выйду за другаго замужъ. А вы говорите: покориться! Стало быть она была права: вы точно, отъ нечего дѣлать, отъ скуки, пошутили со мной...

Рудинъ сталъ увѣрять ее и успокаивать.

— Вы такъ часто говорили о самопожертвованіи, перебила она, но знаете-ли, если бы вы сказали мнѣ сегодня, сейчасъ: «я тебя люблю, но жениться не могу, я не отвѣчаю за будущее, дай мнѣ руку и ступай за мной», знаете-ли, что я бы пошла за вами, знаете-ли, что я на все рѣшилась. Но вѣрно отъ слова до дѣла далеко и вы теперь струсили точно такъ же, какъ струсили третьяго дня, за обѣдомъ передъ Волынцевымъ...

Вотъ что говорила бѣдная, разочарованная дѣвушка. Да, она была права въ своихъ упрекахъ. Рудинъ вдвойнѣ обманулъ ее: онъ обманулъ ее какъ мужчина и обманулъ, какъ путеводитель. А

между тѣмъ и Рудинъ былъ не виновать. Объяснимся.

Женщины всѣмъ складомъ прошлой жизни приучены видѣть въ мужчинѣ силу, силу нравственную и физическую, которая всегда ихъ подавляла. Преклоняться передъ этой силой онѣ привыкли; это преклоненіе ставилось имъ въ заслугу, въ обязанность, болѣе того, ихъ приучили гордиться своимъ преклоненіемъ, и между ними есть имена, блистающіе этимъ преклоненіемъ.

Вслѣдствіе этого сложившаго взгляда, въ глазахъ женщинъ нѣтъ ничего позорнѣе мужчины слабосильнаго — нравственно-ли или физически. Слабосиліе, конечно, во всякомъ случаѣ — недостатокъ и огромный, но женщины взяли его себѣ въ собственность, да еще ухитрились считать его своимъ украшеніемъ. Онѣ съ тайнымъ презрѣніемъ смотрятъ на тѣхъ, кто ихъ щадить, кто слишкомъ бережно обходится съ ихъ преклоненной волей, кто считается съ ихъ слабосиліемъ. Женщина простить, оправдать, будетъ проклинать насиліе, но она не будетъ его не уважать: Вѣра — Гончарова — не презирала Волохова, Татьяна — Пушкина — не читала бы наставленіе Онѣгину, если бы тотъ поступилъ съ нею, какъ съ отдающейся ему горничной; женщина на всѣхъ ступеняхъ общества, все еще, прежде всего, та женщина, изъ которой насиліе мужчины сдѣлало себѣ прислужницу, попечительницу, рабу, но не равноправную подругу. Такъ — да простятъ намъ современныя женщины это сравненіе — рабы и лакеи въ душѣ презираютъ господъ, кѣторые съ ними за-панибрата и не до

статочно барски обходятся съ ними. Такъ Наташа, въ пылу гнѣва, упрекаетъ Рудина въ томъ, что онъ струсилъ взять ее, когда она вся безотвѣтно готова была отдаться ему: черта замѣчательная! Она не утерпѣла также, чтобы не попрекнуть Рудина трусостью передъ Волинцевымъ, хотя его нежеланіе отвѣтить въ чужомъ домѣ рѣзкостью на рѣзкость едва ли произошло отъ трусости.

Когда мысль о трусости явилась въ головѣ Наташи и Рудинъ не опровергъ ея, любовь ея уже была кончена. Рудинъ, въ ея глазахъ, оказался, по выраженію Пигасова, «куцомъ», а женщины куцыхъ не любятъ: онѣ ихъ презираютъ. Какъ учитель, какъ вождь, Рудинъ тоже, какъ мы видѣли, обманулъ ожиданія Наташи. Недаромъ она говоритъ ему: «такъ-то вы примѣняете на дѣлѣ ваши толкованія о свободѣ, жертвахъ». Рудинъ оказался передъ ней въ положеніи того чародѣя, который могъ вызывать духовъ, но съ тѣмъ только, чтобы задавать имъ работу; онъ вызвалъ духъ самопожертвованія, независимости, воли въ молодой дѣвушкѣ, и не могъ дать дѣла этому духу: за это онъ долженъ былъ въ ея глазахъ погибнуть и—онъ гибнетъ.

Нѣтъ ничего тяжелѣе впечатлѣнія, которое производитъ на читателя это свиданіе и то унижительное положеніе, въ которомъ явился тутъ Рудинъ. Вамъ вчужѣ больно, вчужѣ обидно за него и тѣмъ болѣе обидно и больно, что ваше внутреннее чувство оправдываетъ Рудина, что вы замѣчаете тутъ какое-то недоразумѣніе, какую-то фаль-

шивую ноту, безъ которой Рудинъ явился бы совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

Въ другихъ статьяхъ мы говорили собственно о Рудинѣ и его значеніи, какъ дѣятеля, и потому распространяться о немъ съ этой стороны нечего; но здѣсь мы постараемся только разъяснить его отношенія къ Натальѣ, отношенія Рудиныхъ къ женщинамъ.

У Тургенева есть рассказъ подъ заглавіемъ «Андрей Колосовъ». Этого Колосова одинъ изъ его пріятелей выставляетъ замѣчательнымъ человѣкомъ, что подтверждаетъ рассказомъ о томъ, какъ Колосовъ, разлюбивъ одну дѣвушку, тотчасъ бросилъ ее, а пріятелю сказалъ прямо, что бросилъ, потому что не любить болѣе.

Рудинъ упалъ навѣки въ глазахъ Наташи оттого, что въ немъ недоставало такой же искренности, какъ у Колосова, или, лучше сказать, самъ Рудинъ не понялъ своего положенія и не умѣлъ разъяснить его Наташѣ.

Письмо которое Рудинъ, уѣзжая оставилъ Наташѣ, только въ половину намъ разъясняетъ и оправдываетъ Рудина. Въ немъ правды только одно сознаніе, что онъ не любитъ Наташи, и самъ былъ обманутъ своимъ чувствомъ; все остальное, сказанное о себѣ, самосужденіе, самоуниженіе, самооцѣнка—невѣрны и неправильно постановлены. Рудинъ долженъ былъ сказать; «да, я ошибся, я не любилъ васъ, не любилъ по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы любовь убила во мнѣ рефлексію, не любилъ настолько, насколько вы ожидали. Жертва, независимость, все, о чемъ я говорилъ, все великія и

прекрасныя вещи, но онѣ должны быть примѣняемы у мѣста, къ дѣлу того стоящему. Вы приносите себя въ жертву мнѣ, любви ко мнѣ, а мнѣ жертва эта не нужна и принять ее, съ моей стороны было бы безчестно. Я вамъ говорилъ прежде: женщина, которая любить, въ правѣ требовать всего чловѣка, я ужъ отдаться весь не могу; поэтому-то и безчестно мнѣ принимать вашу жертву, тѣмъ болѣе, что эта жертва вся приносится лично мнѣ и не можетъ служить моему дѣлу. Да мое дѣло не ваше дѣло и вы не можете раздѣлить его со мною, не потому, чтобы я былъ слишкомъ высокъ для васъ, и вамъ не чета, но потому, что у васъ нѣтъ призванія къ моему дѣлу, потому что дѣло всякаго создается для него его жизнью. Мои слова не расходятся съ дѣломъ; я колоколь, который будить людей. Но если проснувшійся не знаетъ, что дѣлать, если его руки связаны, а онъ не въ сидахъ развязать ихъ, сыскать свою работу и приниматься за нее—это не вина колокола». Вотъ что по нашему мнѣнію, долженъ былъ сказать Рудинъ: положеніе бѣдной Натальи было бы отъ этого не легче, но Рудинъ не упалъ бы въ ея глазахъ.

Но оставимъ Рудина и обратимся къ Натальѣ. Рудинъ сказалъ ей: я сближался со многими женщинами и дѣвушками; но встрѣтись съ вами, я въ первый разъ встрѣтился съ душой совершенно честной и прямой. Такова въ самомъ дѣлѣ была Наталья. Откуда въ ней взялась эта честность и прямота среди обстановки, ее выростившей—это опять останется сложной психологической задачей, но откуда явились тѣ задатки стремленій къ дѣлу,

которые пробудилъ въ ней Рудинъ, мы можемъ прослѣдить. Не даромъ мать ея считалась умной женщиной и окружала себя поэтами и всякими замѣчательными людьми. Слова этихъ людей можетъ быть урывками, нечаянно, но западали въ душу маленькой дѣвочки, которая подъ паствой m-lle Wopcourt, незамѣчаемая сидѣла въ гостиной и слушала: дѣти понимаютъ болѣе, нежели полагаютъ взрослые и случайно услышанное умное, честное слово приносить свой плодъ.

И вотъ эта, такъ богато надѣленная дѣвушка встрѣчается съ однимъ изъ сильнѣйшихъ людей своего времени. Казалось бы счастливое сближеніе! Дѣйствительно, оно и подѣйствовало на Наташу сначала въ высшей степени благотворно; оно развило дѣвушку, пробудило въ ней мысли и стремленія, безъ того бы, по всей вѣроятности, въ ней заглохшія. Но на бѣду, ея стремленія къ дѣлу не отдѣлились отъ стремленія къ человѣку, ихъ пробудившему. Женщина ея времени еще не думала пробивать своей тропы; она еще привыкла идти не иначе, какъ по слѣдамъ мужчины и служить не своему дѣлу, а дѣлу человѣка ею любимаго. Благо и то. Все-таки это служеніе дѣлу, хоть и косвенное, и служеніе хорошее, когда нѣтъ лучшаго. Къ несчастію, Рудинъ былъ не такой человѣкъ, который бы могъ отдаться весь любви молодой, пылкой дѣвушки. Дѣло его, имъ самимъ несознанное, было ей не по способности, проповѣдникъ и вождь умѣлъ будить силы, но не умѣлъ указывать имъ выхода. И вотъ молодой, смѣлый и честный порывъ дѣвушки на первомъ шагу встрѣчаетъ препятствіе,

убивающее доселѣ множество молодыхъ силъ, — препятствіе бездѣятельности, хуже того, въ ней подорвалась ея вѣра въ тѣ идеалы, къ которымъ она стремилась. Она усомнилась въ возможности ихъ достиженія. И она была права: эти идеалы были дѣйствительно и недостижимы, и непрактичны. Недостижимы они были потому, что одиночной силѣ дѣвушки, какъ бы тверда и настойчива она ни была, ихъ не достигнуть ни тогда, ни нынѣ; непрактичны потому, что это были еще старые идеалы, требующіе великихъ и блистательныхъ подвиговъ, необыкновенныхъ порывовъ, тогда какъ жизнь допускала только мелкій, невзрачный, но упорный жизненный трудъ, подготовку матеріаловъ, изъ которыхъ сильная рука современемъ создастъ зданіе. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣвушка, самая честная, но одинокая, воспламененная до самопожертвованія, но не приготовленная къ дальнему и тяжелому пути и даже не знавшая этого пути, должна была глубоко разочароваться и опустить руки. Такъ и было съ Натальей. Она говоритъ Рудину: «Я чувствую, во мнѣ что то надломилось». Дѣйствительно, раны несчастной, неудачной любви залечатся, но энергія ея, ея вѣра надломилась и не залечатся. Между русскими дѣвушками бѣдной Наташѣ суждена была участь того солдата, который, воодушевленный начальникомъ, вырвался впередъ одинъ изъ коснѣющей массы и былъ подстрѣленъ на первомъ шагу, въ первой битвѣ. Будутъ еще тысячи другихъ жертвъ, но тѣ пойдутъ стройной силой, падутъ въ битвѣ, но доставятъ побѣду, а бѣдный подстрѣленный воинъ

будетъ лежать въ душной больницѣ, молча раскаяваться въ своемъ порывѣ и роптать на вождя, котораго онъ послушалъ!

Наташа вышла замужъ за нѣкоего Волынцева, ограниченнаго, но честнаго, глубоко преданнаго ей человѣка.

Тѣ, которые мѣряютъ людей старой мѣркой саженныхъ монументовъ и, лежа на постели, обзываютъ паденіемъ всякій обыденный шагъ, — увидятъ, можетъ быть, паденіе Наташи и въ этомъ замужествѣ. Да, Наташа дѣйствительно упала изъ героинь, — она подстрѣлена и неспособна искать новыхъ дорогъ, но она осталась той же честной и прямой душой, какою и была; путь ея впалъ въ обыкновенную колею, но это будетъ практичный, осмысленный, ею избранный путь и нѣтъ сомнѣнія, что она пойдетъ по немъ разумно и твердо. Слова Рудина, пробившія въ ней мысль, не пропадутъ даромъ. А въ ея время — да и въ наше, — дай Богъ побольше такихъ женщинъ, хотя бы и на такихъ дорогахъ...

Мы уже говорили, что въ противоположность сдержанной Натальи, Елена является послѣ и до встрѣчи съ Инсаровымъ порывистой, нервной, впечатлительной. Ей двадцать лѣтъ и она вся подготовлена къ сильному чувству: она ждетъ, жаждетъ, ищетъ его. Ей начиналъ было нравиться непостоянный и подвижной какъ воздухъ, художникъ Шубинъ, но онъ съ своей вѣтренностью не сумѣлъ удержать ее; она начинаетъ сближаться съ степеннымъ и честнымъ молодымъ ученымъ Берсеновымъ и уже

подумываетъ «не онъ-ли»? и можетъ быть влюбилась бы въ него, если бы самъ Берсенева, желая угодить ея склонности къ необыкновенному, не возбуждалъ ея воображенія разказами объ Инсаровѣ. Инсаровъ болгаръ. Когда ему было лѣтъ семь, мать его похитилъ какой-то ага и зарѣзалъ; отецъ хотѣлъ отмстить за жену, но попался и былъ разстрѣлянъ; самъ Инсаровъ хочетъ не мести—хочетъ освободить родину! Не достаточно ли такой обстановки, чтобы привлечь вниманіе впечатлительной, скажемъ прямо, романической дѣвушки? Сухая, нѣсколько, обыденно-простая наружность Инсарова мало соответствовала ожиданіямъ дѣвушки; не такимъ она воображала себѣ «героя». «Обаянія нѣтъ, шарму», говоритъ про него Шубинъ; но шармъ всегда является, когда хочешь его найти. Недогадливый Берсенева все описываетъ да восхваляетъ необыкновеннаго человѣка. Елена, выбравъ случай, сама спрашиваетъ Инсарова про трагическую смерть родителей, про его родину, планы, Инсаровъ воодушевляется и Елена слушаетъ съ пожирающимъ, глубокимъ и печальнымъ вниманіемъ: шармъ произшелъ, Елена влюбилась.

Влюбленная Елена дѣйствуетъ также, какъ и влюбленная Наталья: она не смотритъ на препятствія, она отдается вся любимому человѣку, но Инсаровъ человѣкъ молодой, цѣльный, не заѣденный рефлексіей—и онъ беретъ Елену... впрочемъ, приведя все въ порядокъ, вступленіемъ въ законный бракъ.

Дальнѣйшая судьба Елены извѣстна. Она ѣдетъ съ мужемъ возстановлять болгаръ, но Инсаровъ въ Венеціи умираетъ. Тѣмъ не менѣе, Елена не возвра-

щается на родину; она отдаетъ себя дѣлу мужа и пропадаетъ безслѣдно въ Болгаріи.

Еленою у насъ привыкли восхищаться и становить ее образцомъ русской дѣвушки. Елена, дѣйствительно, особенно послѣ Татьяны, Мери и Лизы, явленіе отрадное; она появилась въ то время, когда еще не разъяснился взглядъ на женское дѣло—и ее признали идеаломъ. Теперь мы видимъ другія задачи для русской дѣвушки и должны свести Елену на ея настоящее мѣсто.

За Еленою считаютъ ту главную заслугу, что она первая взялась за дѣло и посвятила себя ему. Но такъ ли это? За свое ли дѣло взялась она? Сознательно ли выбрала его? Къ сожалѣнію, мы должны отвѣчать отрицательно. До появленія Инсарова Еленѣ не было никакого дѣла до болгаръ; она, вѣроятно, едва знала объ ихъ существованіи; она могла имъ сочувствовать, сожалѣть о нихъ, но идти ихъ освобождать, какъ она освобождала муху отъ лапъ паука, ей, русской дѣвушкѣ, разумѣется и въ голову не приходило. Распространяться объ этомъ излишне. Елена увлеклась дѣломъ, потому что это было дѣло большое, честное,—но вмѣстѣ и романическое.

Наташа Ласунская увлеклась дѣломъ, о которомъ говорилъ Рудинъ, прежде, нежели увлеклась имъ самимъ. Оно и понятно: не совѣмъ опредѣлительная, но увлекательная и сильная рѣчь о правдѣ, добрѣ и истинѣ не могла остаться мертвой для такой прямой и честной души, какъ ея; она справедливо видѣла въ Рудинѣ вождя, открывающаго новые пути и радостно отдавалась ему и

его дѣлу. Рудинъ обманулъ ея ожиданія; онъ ей не далъ и не указалъ дѣла, но нѣтъ сомнѣнія, что слова его не остались безплодны, и многое отъ него слышанное она сама примѣнила въ послѣдствіи къ жизни.

Елена напротивъ. Она увлеклась Инсаровымъ, какъ героемъ и хотѣла помогать ему, а не собственно дѣлу. Значеніе Инсарова есть значеніе политическаго дѣятеля: онъ предтеча ожидаемаго въ то время русскаго общественнаго дѣятеля. По той же причинѣ, какъ первая въ литературѣ дѣвушка, оцѣнившая значеніе общественнаго дѣла, подкупаетъ насъ и Елена. Но когда уясняется, что дѣло для Елены становится на второмъ планѣ, а главную роль играетъ увлеченіе человѣкомъ, то значеніе видимо измѣняется. Всякій, знакомый съ общественнымъ движеніемъ двадцатыхъ годовъ, могъ назвать памятные имена русскихъ дѣвушекъ и женщинъ, пошедшихъ въ снѣга и каторжныя тюрьмы Сибири за своими мужьями и возлюбленными, которые, въ эпоху предшествующую нашимъ героинямъ или современную Софьѣ Фамусовой, пытались стать политическими вождями. Слѣдовательно, порывъ Елены не новъ, такія женщины были и задолго до нея. Но это нисколько не умаляетъ ея достоинства, Елена первая изъ литературныхъ героинь, послѣ періода глубоко нравственнаго упадка, напомнила намъ свѣтлые образы этихъ женщинъ, хотя все-таки это была не «новая женщина». Шубинъ правъ; «если-бы у насъ были люди, подобные Инсарову, не ушла бы отъ насъ эта дѣвушка» говоритъ онъ, Елена искала замѣ-

чательнаго человѣка, человѣка цѣльнаго, человѣка дѣла, а главное дѣла большаго, а у насъ въ этомъ родѣ, кромѣ Курнатовскихъ, дѣятелей изъ училища правовѣдѣнія, иныхъ не представлялось. Если же и были у насъ дѣятели достойные, то ихъ дѣло было такое невидное, трудное дѣло, что Елена и не остановила бы на нихъ вниманія: она не дѣвушка мысли, она дѣвушка съ сильно развитымъ, хотя и честно направленнымъ, воображеніемъ.

Если-бы Берсеневъ, вмѣсто того, чтобы распространяться о зарѣзанной матери и разстрѣлянномъ отцѣ Инсарова и его таинственныхъ исчезновеніяхъ и такой же дѣятельности, яснѣе разъяснилъ Еленѣ значеніе истиннаго героизма и невзрачнаго труда, которые намъ, русскимъ, особенно нужны—можетъ быть Елена взглянула бы иначе на Инсарова, можетъ быть она нашла бы, и отдалась иному труженику и не схоронила себя въ Болгаріи. Но это самопожертвованіе для страны чуждой и дѣла не роднаго, самопожертвованіе потому преимущественно, что это были страва и дѣло человѣка любимаго, дѣлаетъ болѣе чести сердцу Елены, нежели ея сознательному выбору. Впрочемъ, будемъ вполне справедливы; мудро-ли было увлечься большой и яркой цѣлью честной, восторженной и любящей женщины, когда кругомъ ея была такая мелюзга, духота и печальный мракъ. Мы не найдемъ ничего лучшаго, какъ привести здѣсь слова Добролюбова, которыми онъ оправдываетъ рѣшимость Елены. «И какъ хорошо, говоритъ онъ, что она приняла эту рѣшимость! Что въ са-

момъ дѣлѣ ожидало ее въ Россіи? Гдѣ для нея тамъ цѣль жизни, гдѣ жизнь? Возвратиться опять къ несчастнымъ котятамъ и мухамъ, подавать нищимъ деньги, не ею выработанныя и Богъ знаетъ какъ и почему ей доставшіяся, радоваться успѣхамъ художника Шубина, траговать о Шеллигѣ съ Берсеневымъ, читать матери «Московскія Вѣдомости», да видѣть какъ на общественной аренѣ подвизаются *правила* въ видѣ Курнатовскаго и нигдѣ не видѣть настоящаго дѣла, даже не слышать вѣянія новой жизни... и понемногу медленно томиться, вянуть, хирѣть, замирать... Нѣтъ, уже если разъ она попробовала другую жизнь,дохнула другимъ воздухомъ, то легче ей броситься въ какую угодно опасность, нежели осудить себя на эту тяжелую пытку, на эту медленную казнь... И мы рады, что она избѣгла нашей жизни и не оправдала на себѣ эти безнадежно-печальныя, раздрающія душу предвѣщанія поэта, такъ постоянно и беспощадно оправдывающіяся надъ самыми лучшими, избранными натурами въ Россіи:

Вдали отъ солнца и природы,
Вдали отъ свѣта и искусства,
Вдали отъ жизни и любви,
Мелькнутъ твои молодые годы;
Живыя помертвѣютъ чувства;
Мечты развѣются твои.
И жизнь твоя пройдетъ незрима
Въ краю безлюдномъ, безъимянномъ
На незамѣченной землѣ,
Какъ исчезаетъ облакъ дыма
На небѣ тускломъ и туманномъ
Въ осенней безпредѣльной мглѣ».

Да! прибавимъ мы отъ себя, неказистая и не-завидная участь ждала у насъ Елену и лично для нея было дѣйствительно лучше, что она ушла, — но лучше-ли это для остающихся, лучше-ли вообще для дѣла?

VII.

Н О В Ы Я Ж Е Н Щ И Н Ы .

Съ эпохи шестидесятыхъ годовъ между появившимися такъ называемыми «новыми людьми» заняла принадлежащее ей мѣсто и «новая женщина». Стремленіе къ самостоятельности и самостоятельности, проявившееся во всемъ обществѣ, и на ней отразилось весьма ярко и опредѣлено. При этомъ, нѣжная и прекрасная половина рода человеческого, какъ называли ее прежде, оказалась, какъ мы увидимъ, не только нѣжной и прекрасной, но и болѣе настойчивой и практичной, нежели мужчины. Такъ по крайней мѣрѣ мы должны заключить изъ тѣхъ успѣховъ, съ которыми женщины достигли и еще стремятся достигать своихъ цѣлей.

Развитыя до извѣстной степени женщины, достаточно обезпеченныя матеріально, чтобы не заботиться о кускѣ хлѣба, привыкали и привыкають отчасти и нынѣ за отсутствіемъ всякой умственной дѣятельности, жить исключительно жизнью чувства. Весьма естественно, что при первомъ пробужденіи сознательности, эти женщины прежде всего обратили и вниманіе на чувство, и именно на чувство, составлявшее главный двигатель ихъ

жизни, т. е. на любовь, и захотѣли поставить его на почву правды и искренности.

Но чувство любви всего болѣе встрѣчаетъ препятствій и усложненій въ замужней женщинѣ. Поэтому, замужняя женщина и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ первой новой постановкѣ вопроса.

Прежде, когда женщинѣ, связанной законнымъ бракомъ съ мужемъ, случалось влюбиться въ другаго человѣка, она, если могла сладить съ этимъ чувствомъ, обыкновенно становилась на пьедесталь современной ходячей нравственности (всякое время и каждый народъ имѣютъ, какъ извѣстно, свои понятія о нравственномъ) и говорила какъ Татьяна:

Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна!

или, если сладить съ чувствомъ была не въ силахъ, то какъ Вѣра Лермонтова, трепеща отъ страха, тайкомъ отдавалась любимому челоуку, обманывала мужа, свѣтъ ежеминутно боясь, что ея обманъ откроется и, какъ принято говорить покроетъ ее позоромъ. Были еще практическія женщины, которыя находили и третій исходъ. Онѣ брали любовниковъ, охраняя условную внѣшность, и затѣмъ мало заботились какъ къ этому относится мужъ и свѣтъ; а если же имъ дѣлали замѣчаніе или намеки, то онѣ отвѣчали какъ законники старыхъ судовъ: «буква соблюдена—какое же вы имѣете право придираться къ сущности»? И свѣтъ и мужъ оставляли ихъ въ покоѣ. Но такія женщины представляютъ образецъ житейской покладливости, а

не потрясающихъ столкновений или смѣлой новизны и потому ими обыкновенно мало занимаются. Въ русской литературѣ, къ сожалѣнію не было Бальзака, который бы избралъ ихъ въ героини, и критика не имѣетъ случая подробно ими заняться и указать ихъ значеніе. Новая женщина въ дѣлѣ чувства поступаетъ не такъ. Если она связана съ однимъ человѣкомъ и чувствуетъ склонность къ другому, она борется съ нею насколько хватаетъ ея силъ, потому что эта склонность нарушаетъ сложившійся строй ея жизни, ставитъ ее въ бесполезный разладъ съ семьей, съ обществомъ. Но когда она не находитъ въ себѣ болѣе силъ на борьбу, она откровенно заявляетъ о томъ мужу, которому обѣщала вѣрность. Такъ поступила «Наташа» (въ Подводномъ Камнѣ), такъ поступила «Вѣра Павловна» (въ «Что дѣлать»). Надо отдать справедливость и ихъ мужьямъ, которые поняли, что когда чувство переходитъ въ страсть—оно становится болѣзнью и что болѣзнь эту убѣжденіями, препятствіями или угрозами вылечить нельзя. Поэтому, эти мужья не только не прибѣгаютъ къ правамъ, имъ предоставленнымъ законами и обычаями темной массы почти всѣхъ странъ, но сами по возможности, стараются облегчить бѣднымъ больнымъ тѣ утраты и лишенія, которыя влечетъ за собою удовлетвореніе ихъ страсти. Примѣръ въ этомъ случаѣ поданъ имъ былъ еще Саксомъ (въ «Полицейскій Саксъ» Дружинина), а мужъ изъ «новыхъ людей», Лопухинъ, простираетъ свою услужливость до того, что дѣлаетъ видъ самоубійства, бѣжитъ въ Америку, возвращается оттуда съ именемъ и паспортомъ

гражданина Соединенныхъ Штатовъ,—словомъ, дѣлаеть незаконныя вещи, чтобы дать своей женѣ возможность соединиться съ другимъ на законномъ основаніи. Конечно, это уже черезчуръ! Было бы слишкомъ много требовать, чтобы мужа, для того чтобы дать возможность женѣ выйти замужъ за человека ея любимаго и тѣмъ избѣжать непріятностей положенія, непризнаваемаго обществомъ—сами подвергали себя, переселенію въ страны не открытыя еще извѣстнымъ русскимъ путешественникомъ Макаромъ и его телятами. Скажемъ болѣе, такое разрѣшеніе вопроса вовсе не желательно, а желательно, чтобы разладъ, вносимый въ установившуюся жизнь чувствомъ, преодолювающимъ расчеты разсудка улаживался какъ можно спокойнѣе и выгоднѣе для обонхъ сторонъ. Люди, умѣвшіе стать выше предразсудка и находятъ этотъ исходъ въ откровенномъ разрывѣ, а практическіе мужа, продающіе своихъ женъ, даже умѣютъ и оградить союзъ любящихся законнымъ бракомъ, не прикидываясь для этого самоубійцей и не отправляясь въ Америку.

Вообще, вопросъ столь существенный въ жизни женщины, какъ соединеніе съ мужчиной, выводится современной женщиной на болѣе искреннюю и твердую почву. Нынѣшняя дѣвушка находитъ, что бракъ не есть соединеніе двухъ любящихся голубковъ, а прочный и здраво обсужденный союзъ двухъ сочувствующихъ другъ другу лицъ на трудъ и дѣло жизни. Современная дѣвушка не только не отрицаетъ брака, какъ полагаютъ нѣкоторые: она волюнѣ признаетъ его значеніе и важность въ жизни и потому строить его на твердой почвѣ согласованія

большихъ по возможности условій для спокойнаго и счастливаго сожителства, а элементъ страстнаго чувства, съ которымъ невозможно спорить, а иногда и бороться, какъ ненормальный и случайный, ставить совершенно отдѣльно.

Такъ какъ мы отвели мѣсто вопросу любви въ статьяхъ о героиняхъ, то здѣсь кстати будетъ сказать, что (кромѣ исканія выхода изъ тѣхъ столкновений, гдѣ чувство идетъ въ разрѣзъ съ общепринятыми условіями), вообще самое понятіе о любви поставлено позднѣйшею литературою совершенно на иную почву: женщина, для которой въ прежнія времена любовь служила ореоломъ и подножіемъ, нынѣ срываетъ драпировку съ этого чувства и низводитъ его на настоящій уровень. Начать съ того, что современная женщина не дѣлаетъ для себя изъ любви единственнаго кумира, исключительную цѣль и занятіе жизни. Она ищетъ, какъ мы видѣли другого, болѣе обширнаго поля дѣятельности. Далѣе. Она увидала, что любовь идеальная, мечтательная любовь, не имѣющая подъ собою почвы, которая тѣмъ не менѣе считалась нѣкогда самымъ возвышеннымъ, первѣйшимъ сортомъ любви, есть пустое и вредное раздраженіе и самое глупое препровожденіе времени. Наконецъ, нѣкоторыя женщины пытались завоевать въ дѣлѣ любви хотя часть тѣхъ правъ—конечно въ свободѣ выбора, а не легкости и развратности его—которыя пріобрѣли или, лучше сказать, отмежевали себѣ мужчины и не стали соединять съ нею условныхъ рыцарскихъ понятій о чести, которыя невѣсть почему приплетены къ ней, а замѣнять ихъ понятіями о честности, т. е. прямо-

тѣ и разумности дѣйствій. Всѣ эти стороны предмета вмѣстѣ взятыя выраженные иногда въ частностяхъ женщинами, болѣе представительницами идеи, чѣмъ типовъ, ставятъ вопросъ чувства и любовныхъ отношеній на положительную и разчищенную почву и снимаютъ его съ тѣхъ размалеванныхъ облаковъ, на которыя взмостили его, если не сами грубые и глухие рыцари, которые съ женщинами обращались какъ съ рабынями, то по крайней мѣрѣ рыцарская и романическая литература.

Начавъ дѣло исканія самостоятельности и равноправности съ вопроса о чувствахъ, женщины послѣдняго десятилѣтія не остановились на немъ, а повели его дальше, перенося на экономическую почву. Въ предъидущихъ очеркахъ мы видѣли рядъ женщинъ, которыя задачу своей жизни ставили въ помощи мужчинѣ и служеніи дѣлу имъ избранному, — и если возвышали свои требованія до служенія общечеловѣческимъ интересамъ, то и ихъ пытались удовлетворить не непосредственно, а тоже черезъ мужчину, или научая и ободряя этого мужчину или ему содѣйствуя. Позднѣйшія женщины стремясь и въ этомъ случаѣ отдѣлится себя отъ зависимости мужчины, въ то же время поняли, что эта зависимость и закрѣпощенность произошли отъ чисто экономическихъ условій и потому перенесли и свои заботы прежде всего на упроченіе своей экономической независимости, на приобрѣтеніе своего куска хлѣба. Это исканіе честнымъ трудомъ заработать свой кусокъ хлѣба сдѣлалось преобладающей чертою дѣвушки, выставленной новѣйшей литературой («Живая душа», «Свой хлѣбъ»). Она указываетъ намъ

между прочимъ на тотъ утѣшительный фактъ, что здравая современная мысль пробила себѣ дорогу въ такіе классы женщинъ, для которыхъ въ прежнія времена она была недоступна, и что главный составъ «новыхъ женщинъ» какъ и «новыхъ людей» дали сословія не пользующіяся экономической обезпеченностью. Понятно, что для такихъ женщинъ вопросъ о возможности заработать собственный кусокъ хлѣба своимъ честнымъ трудомъ и открытіе къ тому способовъ есть первый и существеннѣйшій вопросъ въ жизни. Это вопросъ ихъ освобожденія.

Но къ несчастію экономическая жизнь не только въ Россіи, но и въ другихъ болѣе развитыхъ странахъ стоитъ еще на такомъ уровнѣ, что самый упорный и постоянный женскій трудъ доставляетъ трудящейся дѣйствительно не много болѣе одного куска хлѣба. Тяжелая жизнь гувернантки, учительницы, швеи, освобождая дѣвушку отъ своего домашняго гнета, налагаетъ на нее гнетъ нанимателей и всетаки не даетъ возможности къ самостоятельной жизни. Самыя успѣшныя средства освобожденія на которыя указываетъ намъ позднѣйшая литература—это тотъ самый старей и ежедневный способъ, къ которому прибѣгала и прежде дѣвушка—освобожденіе съ помощію мужчины—замужество. Такъ, Вѣра Павловна, сколько ни искала съ Лопуховымъ возможности вырваться изъ семьи, не нашла ничего лучшаго, какъ выйти за него замужъ и жить большею частію его трудомъ. Такъ Щетинина (въ повѣсти «Трудное время») ищетъ самостоятельной дѣятельности сначала съ помощію мужа, потомъ его пріятеля, котораго готова полюбить. Разница

въ этомъ случаѣ между прежнею и новою женщиною та, что первая съ замужествомъ перемѣняла только одинъ гнетъ на другой, тогда какъ нынѣшняя дѣвушка выбираетъ осторожнѣе и смотритъ независимѣе, а современный взглядъ на отношеніе къ женщинамъ въ большинствѣ нынѣшняго молодого поколѣнія, бывшій въ прежнія времена удѣломъ только людей самыхъ развитыхъ, облегчаетъ ей этотъ выборъ. Но что и современная женщина не можетъ еще обойтись безъ помощи мужчины, въ томъ нѣтъ ничего страннаго: жизнь скачковъ не дѣлаетъ, и тотъ, кому въ теченіе вѣковъ не позволялось ходить на своихъ ногахъ, рѣдко и трудно можетъ встать безъ поддержки дружественной руки.

До сихъ поръ мы говорили о женщинахъ, добивающихся только своего куска хлѣба, но кусокъ хлѣба не есть цѣль, чего не понимаютъ нѣкоторые современные авторы; онъ только средство, это только первый шагъ къ независимости. Поэтому, посмотримъ на тѣхъ болѣе счастливыхъ женщинъ, которыя по своему положенію могутъ обойтись безъ этого тяжелаго шага, зачастую поглощающаго энергію и трудъ цѣлой жизни.

Вѣра Павловна (романа «Что дѣлать»), имѣющая возможность, благодаря мужу (объ урокахъ ея упоминается только вскользь и то вначалѣ) нѣжиться въ постелѣ и пить чай съ самыми густыми сливками, задумываетъ на досугѣ придти на помощь трудящейся женщинѣ и заводитъ женскую швейную на началахъ общаго труда. Швейная эта процвѣтала, и по ея примѣру завелись другія швейныя и тоже

начали процвѣтать, и вѣроятно (по крайней мѣрѣ, въ романѣ) растились бы, множились и населили Петербургъ еще болѣе, если-бы не встрѣтилось извнѣ какихъ-то препятствій. Послѣ этого Вѣра Павловна, выйдя уже замужъ за Кирсанова, приходитъ къ другой мысли. Она говоритъ, что сфера женской дѣятельности, кромѣ семейныхъ обязанностей, чрезвычайно узка и потому на открытыхъ для нея уже тропинкахъ, какъ напримѣръ, обязанности гувернантки и проч., толпится слишкомъ много желающихъ и потому надо расширить по возможности этотъ кругъ дѣятельности. Чтобы открыть новые пути, нужно бороться съ препятствіями, нужно опираться на дружескую руку. Вѣра Павловна не нуждается въ средствахъ къ жизни, и потому можетъ жертвовать временемъ и энергіей для борьбы, вначалѣ всегда неблагодарный и часто безуспѣшной; она въ лицѣ любимаго мужа имѣетъ дружескую руку, слѣдовательно, поставлена въ положеніе самое благопріятное. Поэтому она считаетъ своею обязанностию работать въ этомъ смыслѣ на пользу женщины и пробуетъ сдѣлаться женскимъ медикомъ. И такъ, устройство общаго труда и расширеніе круга дѣятельности для женщинъ—таковы первыя попытки и средства къ улучшенію положенія женщины, предлагаемыя женщиной 60-хъ годовъ.

У второй замѣчательной женской личности, выставленной намъ позднѣйшей литературой, стремленія шире, но не опредѣленнѣе. — Марья Николаевна Щетинина жила въ деревнѣ съ мужемъ. Въ молодой красивой помѣщицѣ кипѣла жажда жизни не эгоистичной, а полной, разумной обще-

ственной жизни. Марья Николаевна помогала по силамъ крестьянамъ, искала дѣятельности, не совсемъ удовлетворялась своею, но думала, что она все-таки дѣлаетъ нѣчто. Прїѣздъ стараго товарища ея мужа, разбитаго жизнью скептика и непримиримаго отрицателя, Рязанова, и разговоры съ нимъ выказали ей всю затрапезную изнанку ея жизни. Марья Николаевна вспылила, ссорится съ мужемъ и упрекаетъ его, что онъ сдѣлалъ изъ нея ключницу.

«Ты мнѣ сказалъ (говорить она про время сватовства) мы будемъ вмѣстѣ работать, мы будемъ дѣлать великое дѣло, которое можетъ быть погубить насъ, и не только насъ, во и всѣхъ нашихъ; но я не боюсь этого. Если вы чувствуете въ себѣ силы, пойдите вмѣстѣ». Я и пошла. Конечно, я тогда была еще глупа, я не совсемъ понимала, что ты тамъ мнѣ рассказывалъ. Я только чувствовала, я догадывалась. И я пошла бы куда угодно. Вѣдь ты видѣлъ, я очень любила мою мать и я ее бросила. Она чуть не умерла съ горя, а я все-таки ее бросила, потому что я думала, я вѣрила, что мы будемъ дѣлать настоящее дѣло. И чѣмъ же все кончилось? Тѣмъ, что ты ругаешься съ мужиками изъ за каждой копейки, а я огурцы солю да слушаю какъ мужики бьютъ своихъ женъ и хлопаю на нихъ глазами. Послушаю, послушаю, потомъ опять примусь огурцы солить. Да, если-бы я желала быть такою, какою ты меня сдѣлалъ, такъ я бы вышла за какого-нибудь Шишкина, теперь у меня можетъ быть ужъ трое дѣтей было бы. Тогда я по крайней мѣрѣ знала-бы, что я самка, что я

мать, знала бы что я себя гублю для дѣтей, а теперь... Пойми, что я съ радостію пошла бы землю копать, если бы это нужно было для общаго дѣла. А теперь... Что я такое? Экономка господина Щетинина; просто на просто экономка, которая выгадываетъ каждый грошъ и только и думаетъ о томъ: ахъ, какъ бы кто не съѣлъ лишняго фунта хлѣба! Ахъ, какъ-бы!.. какая гадость!

— Маша! подходя къ ней дрожащимъ голосомъ сказалъ Щетининъ; схвативъ ее за руку. Маша что ты говоришь? Да вѣдь... ну, да... да вѣдь я люблю тебя. Ты понимаешь это?

— Да я тебя люблю... сдерживая слезы, говорила она, я понимаю, что и ты—ты ошибся, да я те, не могу я такъ. Пойми, не могу я... огурцы солить»...

Въ этой выходкѣ и укорахъ Марьи Николаевны много неопредѣленныхъ порывовъ, много молодого задора; но нельзя не признать, что женщина въ положеніи Марьи Николаевны, особенно не будучи матерью, можетъ и должна дѣлать нѣчто болѣе, чѣмъ солить огурцы.

Вспышка на первый разъ не имѣетъ видимыхъ послѣдствій. Но всякая зародившаяся мысль, какъ растеніе, какъ животное, должна прожить свою жизнь, должна развиться, созрѣть и умереть,—и чѣмъ глубже и шире мысль, тѣмъ она сильнѣе пускаетъ корни и упорнѣе развивается. Такъ было и съ мыслью о несостоятельности настоящей дѣятельности, пробудившейся въ головѣ Марьи Николаевны: съ жаждой иного лучшаго дѣла. Но такъ какъ женская мысль болѣе, чѣмъ мужская, под-

вержена вліянію того, что мы называемъ чувствомъ, тѣснѣе, въ таинственномъ процесѣ своего развитія, связана съ чувственными впечатлѣніями, болѣе подчиняется имъ и въ свою очередь болѣе на нихъ вліяетъ,—то Марья Николаевна вскорѣ начинаетъ любить того, кто разъяснилъ ей ея настоящее положеніе, далъ ея мыслямъ новое направленіе, точно также какъ она полюбила сначала и за то же самое, обманувшаго ея ожиданія, Щетина. Она почти сама признается, сама предлагаетъ свою любовь Рязанову и хочетъ идти съ нимъ рука объ руку.

Въ этой любви Марьи Николаевны мы еще рѣзче замѣчаемъ черту уже проглядывающую у позднѣйшихъ женщинъ. Это уже женщина, для которой любовь отодвигается на второй планъ; она ищетъ въ любви только средства для достиженія своего идеала жизни. Тургеневскія Елена и Наташа увлекались вслѣдъ за поразившими ихъ мужчинами; Вѣра Павловна искала въ замужествѣ съ Лопуховымъ средства освободиться отъ своей печальной семейной жизни, она преслѣдовала цѣль личную: Марья Николаевна ищетъ, въ жизни съ мужемъ и потомъ Рязановымъ, средства служить общественному дѣлу, но она не идетъ слѣпо за вожаками и, какъ скоро видитъ, что ни тотъ ни другой служить ей не могутъ, она охлаждаетъ къ нимъ, — ихъ бросаетъ. Не менѣе замѣчательно и отношеніе къ ней Рязанова. Это уже не человѣкъ, который ищетъ только «срывать цвѣты удовольствія» съ любимой женщиной, это также и не фразеръ, который говоритъ какъ Щетининъ: «пойдемъ

дѣлать общее дѣло» — тогда какъ знаетъ, что общаго дѣла они никакого не сдѣлаютъ... Но стремленія молодой женщины и особенно объясненія ея съ Рязановымъ такъ любопытны и своеобразны, что мы позволимъ себѣ цѣликомъ выписать ихъ изъ подлинника.

«Марья Николаевна пришла къ промокшему отъ дождя Рязанову во флигель, поить его какъ заботливая хозяйка малиной съ ромомъ, а между тѣмъ, допытывается какова его жизнь и получаетъ въ отвѣтъ, что «это и не жизнь совсѣмъ, а такъ какая то дребедень, про которую и сказать нечего».

Она, разумѣется, не вѣритъ этому и полагаетъ, что Рязановъ не хочетъ быть съ ней откровеннымъ.

— Неужели я этого не стою? Послушайте, вдругъ заговорила она и протянула ему руку. Хотите вы быть моимъ другомъ? а? Хотите?

Рязановъ молча, не глядя ей въ лицо, пожалъ ея руку, потомъ осторожно освободилъ свою и положилъ ее на столъ.

Марья Николаевна, покачнувшись къ нему, ждала, что онъ скажетъ.

— Да, наконецъ выговорилъ онъ, это, конечно, очень пріятно, только...

— Что?

— Только я право не понимаю, какая же между нами можетъ быть дружба, кончилъ онъ въ полголоса, какъ будто самъ съ собой разсуждалъ; ничего изъ этого не выйдетъ.

— А если вы не понимаете, скороговоркой прибавила она, такъ я вамъ скажу, что я уѣзжаю отсюда.

— То есть какъ? Совсѣмъ?

— Да, совсѣмъ. Между мной и моимъ мужемъ все кончено. Я свободна.

— Вотъ какъ, глядя въ полъ тихо произнесъ Рязановъ.

— Теперь я бы желала только одного, все больше и больше воодушевляясь говорила Марья Николаевна, я бы желала устроить такъ мою жизнь, чтобы я могла всѣ силы, всѣ способности мои употребить на то, чтобы хоть въ чемъ нибудь вамъ быть полезной. Я много не желаю, мнѣ хотѣлось бы только хоть чуть-чуть помогать вамъ въ вашихъ занятіяхъ. Что вы мнѣ скажете, то я и буду дѣлать. Сначала, конечно, мнѣ будетъ нужна ваша помощь, потому что я вѣдь ничего не умѣю; а потомъ я попривыкну по немногу. Такимъ образомъ мы и будемъ помогать другъ другу...

— Въ чемъ?

— Какъ въ чемъ?!

— Подумали-ли вы, въ чемъ-же это мы съ вами будемъ помогать другъ другу? И какое это такое занятіе вы нашли, я не понимаю хорошенько. Учиться что ли мы будемъ другъ у друга или такъ просто жить?.. Да нѣтъ постойте! Прежде всего вотъ что: вы то собственно зачѣмъ ѣдете?

— Вы все-таки не знаете?

— Все-таки не знаю.

— Хорошо. Я вамъ скажу. Я ѣду для того, что бы начать новую, совсѣмъ новую жизнь. Мнѣ эта опротивѣла, эти люди мнѣ гадки да и вся эта деревенская жизнь. Я могла жить здѣсь до тѣхъ поръ, пока я еще ждала чего-то, однимъ словомъ,

пока я вѣрила: теперь я вижу, что больше ждать мнѣ нечего, что здѣсь можно только наживать деньгу, да и то чужими руками. Къ помѣщикамъ и ко всѣмъ этимъ хозяевамъ я чувствую ненависть, я ихъ презираю; мужиковъ мнѣ конечно жаль, но что же я могу сдѣлать? Помочь имъ я не въ силахъ, а смотрѣть на нихъ и надрываться я тоже не могу. Это невыносимо. Ну, скажите же теперь вѣдь это правда? Вѣдь не зачѣмъ мнѣ больше здѣсь оставаться? Да?

— Да, разумѣется, если ужъ это вамъ такъ противно.

— Вы это такъ говорите... Мнѣ кажется вы не желаете, чтобы я ѣхала?

— Напрасно вамъ это кажется. Напротивъ, я желаю, чтобы вы дѣлали именно то, что вамъ хочется; но кромѣ того я желаю еще получить отвѣтъ на вопросъ, который я вамъ сдѣлалъ: зачѣмъ вамъ хочется туда?

Онъ показалъ на окно.

— Что васъ влечетъ dahin, dahin? Уже не думаете ли вы серьезно, что тамъ растутъ лимоны?

— А знаете ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ я представляю себѣ, что такое тамъ? Я всегда воображала, что тамъ гдѣ-то живутъ такіе отличные люди, такіе умные и добрые, которые все знаютъ, все расскажутъ, научатъ какъ и что дѣлать, помогутъ, пріютятъ всякаго; кто къ нимъ придетъ... однимъ словомъ хорошіе, хорошіе люди»...

Но эти мечтанія о хорошихъ людяхъ, какъ и прочія мечты Маріи Николаевны, Рязановъ убиваетъ горько насмѣшливымъ отвѣтомъ, уже разъ при-

веденнымъ нами, что хорошіе люди перевелись, а осталась мелкота, которая, впрочемъ, всѣ дѣла справить, всѣ артели заведетъ, на законномъ основаніи, и пріютить и порядки покажетъ...

Молодая женщина, разумѣется, неудовлетворилась этимъ разумнымъ отвѣтомъ жестоко охлажденнаго человѣка, понявшаго всю пустоту неясно опредѣленныхъ и нехорошо обдуманыхъ стремлений; она просто даже не повѣрила тому, чему не хотѣлось ей вѣрить; еще болѣе осталось неудовлетвореннымъ то чувство ея къ Рязанову, о которомъ она старалась дать понять ему, но на это чувство она хочетъ добиться положительнаго отвѣта, черезъ него думаетъ забраться въ душу Рязанова и узнать тѣ сокровенныя мысли, которыя такъ влекутъ ее къ нему и которыя онъ такъ упорно таитъ отъ нея.

— Вы мнѣ все-таки не сказали... Вы мнѣ ничего положительнаго не сказали о томъ... она замаялась и все ниже и ниже нагибаясь къ столу, съ разстановкой, почти шепотомъ прибавила:

— Неужели вы не знаете до сихъ поръ...

— Я знаю только одно, перебилъ ее Рязановъ, и самымъ положительнымъ образомъ знаю, что я завтрашній день уѣду.

— Куда, быстро поднимая голову, спросила Марья Николаевна?

— Да это смотря потому, какъ... вообще въ разные мѣста.

Марья Николаевна не спускала съ него глазъ и все еще ждала чего-то.

— Больше къ югу, прибавилъ Рязановъ.

Она не шевельнулась, даже не вздрогнула и

продолжала по прежнему смотрѣть на него, хотя по глазамъ ея видно было, что она уже не ждетъ ничего и мысли ея полетѣли дальше.

Слышите? Молодая женщина сама почти признается въ любви,—молодой человѣкъ рѣзко отказывается отъ нея, но прежде чѣмъ почувствовать оскорбленіе «мысли ея полетѣли дальше». Ясно, что не любовь двигала этой женщиной, что любовь являлась тутъ какъ подспорье, подкралась по старой женской привычкѣ класть въ мысль свое чувство съ тою разницей, что тутъ, наоборотъ, чувство закралось въ мысль.

Но какъ бы ни была скрытна любовь, дѣло не обошлось безъ тайной и болѣзненной борьбы съ той и съ другой стороны.

— Время подходитъ ненастное, продолжалъ Рязановъ, глядя въ окно, дождь идетъ. Видите погода-то какая сволочь!

Марья Николаевна все смотрѣла на него и должно быть не слышала; взглядъ ея перешель съ Рязанова на стѣну и остановился; на лицѣ у нея ничего не выражалось: она была совсѣмъ неподвижна и только вдругъ какъ то осунулась, точно послѣ трудной болѣзни.

Рязановъ замолчалъ и началъ пристально всматриваться въ нее. Слегка нахмуривъ брови, онъ водилъ глазами по всему ея лицу, по вытянутымъ и неподвижно лежащимъ на столѣ рукамъ ея, а самъ въ тоже время основательно и не торопясь мялъ свои собственныя руки такъ, что пальцы на нихъ хрустѣли; потомъ хотѣлъ было вздохнуть, набралъ воздуха, но сейчасъ же закусилъ губу и по-

давилъ этотъ вздохъ, потомъ всталъ и задѣлъ за столовую ножку.

— А?! вдругъ очнувшись, пугливо спросила Марья Николаевна.

Рязановъ молча доставалъ съ окна какую-то книгу.

Она провела по лицу рукой, посмотрѣла вокругъ и наступивъ на платъе, ничего не замѣчая, сдѣлала было нѣсколько шаговъ къ двери, но тутъ остановилась и обернулась. Рязановъ стоялъ потупившись у окна съ книгою въ рукѣ. Марья Николаевна взглянула на него и ровнымъ холоднымъ голосомъ сказала:

— Прощайте!

— Куда вы? Тихо спросилъ онъ.

— Я ѣду... то есть теперь я иду домой, а потомъ поѣду...

— Туда?

— Да, туда, твердо сказала она и пошла къ двери.

— Желаю вамъ успѣха, не трогаясь съ мѣста проговорилъ онъ уже въ то время, когда она уходила изъ комнаты, и почти въ то же мгновенье изо всей силы швырнулъ книгу подъ столъ и, схвативъ себя обѣими руками за волосы бросился впередъ... Но тутъ же остановился, опустилъ руки, покачалъ головой, улыбнулся и сталъ ходить по комнатѣ.

Мы привели эту характеристическую сцену, чтобы сказать послѣднее слово о любовныхъ отношеніяхъ, которымъ мѣсто отвели въ статьѣ о героиняхъ. Здѣсь, въ этомъ молчаливомъ разрывѣ,

мы видѣли женщину, для которой любовь уже на второмъ планѣ. И со стороны этой женщины и борьба, и страданіе не сильны и не дорого стоятъ. Онѣ гораздо сильнѣе и тяжелѣе для мужчины. Рязановъ если не сильно любитъ, то жажда зарождающейся страсти, любовь красивой, молодой, образованной и энергичной женщины, которая сама протягиваетъ ему руку — все должно было обаятельно подѣйствовать на этого разбитого, бездомнаго и одинокаго скитальца. Но Рязановъ человѣкъ дѣйствія, человѣкъ дѣла и дѣла общественнаго, а не личнаго, онъ видитъ, что ничего прочнаго не выйдетъ изъ этой любви, изъ этой связи, что сама эта женщина, наконецъ, любить не его, но ту ясно выработанную цѣль, то дѣло, которое она видитъ въ немъ и которыхъ—онъ это знаетъ—не можетъ онъ ей дать, потому что нѣтъ ихъ пока у него самого. Значитъ надобно все разорвать! Это говоритъ ему его честный и трезвый умъ и Рязановъ, чего бы то ни стоило ему, разрываетъ. И тутъ надо отдать Рязанову справедливость онъ разрываетъ такъ, какъ долженъ разорвать человѣкъ, всецѣло посвятившій себя суровому дѣлу. Онъ разрываетъ сухо, почти грубо, безъ фразъ, но за то прочно. Нѣтъ ни словъ, ни намековъ, выдающихъ надежду и сожалѣніе, оставляющихъ какую нибудь пищу чувству, нѣтъ никакихъ фразъ и красивой рисовки. Операція сдѣлана чисто и твердо и за то исцѣленіе будетъ скоро и прочно!

Оно такъ и было. Вотъ какъ происходило разставанье.

На другой день, когда Рязановъ собрался уѣз-

жать и простился съ Щетининымъ, молодая хозяйка остановила его, когда онъ проходилъ мимо залы, тоже чтобы проститься.

Лицо ея было совершенно спокойно, даже какъ будто торжественно, и напоминало то выраженіе, какое было на немъ три мѣсяца назадъ, когда Рязановъ только что пріѣхалъ въ деревню.

— Мы съ вами, начала она, столько говорили все лѣто, что...

— Все уже переговорили, подсказалъ Рязановъ.

— Нѣтъ еще не все, сухо замѣтила она. Такъ какъ говорили больше вы, а я все только слушала, то теперь ваша очередь выслушать, что я вамъ скажу*).

— Слушаю-съ, наклоняя голову, сказалъ Рязановъ.

— Я хотѣла... во первыхъ я хотѣла поблагодарить васъ за все, что вы для меня сдѣлали и кромѣ того еще за вчерашній разговоръ.

Рязановъ стоялъ передъ нею наклонивъ голову, опустивъ глаза и слушалъ.

— За это объясненіе я *особенно* вамъ благодарна. На словѣ «особенно» она сдѣлала удареніе.

— Этимъ объясненіемъ вы предостерегли меня отъ очень важной ошибки. Въ эту ночь я пережила душевный кризисъ, но теперь уже совсѣмъ

*) Какъ это напоминаетъ отвѣдь Татьяны въ послѣднемъ ея объясненіи съ Онѣгинымъ: „сегодня очередь моя“! Но какая безконечная разница между взглядами женщинъ, да и отношеніями къ нимъ мужчинъ! Вотъ гдѣ болѣе всего видно насколько тѣ и другія ушли впередъ въ этотъ промежутокъ времени, въ своемъ развитіи.

здорова. Вы помогли мнѣ въ этомъ. Вы можетъ быть и сами не знали, какую оказали мнѣ услугу. Но я вамъ должна сказать еще одну вещь, которая васъ, вѣроятно, удивитъ. Слушайте! Всѣ ваши разсужденія, все, все рѣшительно я помню и знаю. что это такъ, что вы мнѣ все правду говорили...

— Да-съ.

— Но, странное какое дѣло, представьте, что сегодня я ужъ вамъ не вѣрю, то есть я какъ-то вамъ именно не вѣрю... Это васъ удивитъ конечно,

Но Разановъ не удивляется и находитъ, что такъ и быть слѣдовало.

— Не вѣрьте никому и мнѣ въ томъ числѣ: тѣмъ лучше, меньше будетъ душевныхъ кризисовъ, меньше ошибокъ.

— Нѣтъ, я на это не согласна, отвѣчаетъ молодая женщина. И они холодно простились.

Все это совершенно послѣдовательно, совершенно жизненно, и доказываетъ въ авторѣ, кромѣ художественнаго таланта, правдивое отношеніе къ дѣйствительности. Молодая полная жизни женщина не можетъ примириться съ сухимъ скептицизмомъ человѣка, только что вырвавшагося изъ страшныхъ когтей перелома: она не можетъ вовсе не вѣрить и въ то же время не можетъ вѣрить человѣку, къ которому только что охладѣла. Правъ былъ Разановъ, объяснивъ на прощанье Щетинину истинную причину его и своей размолвки и съ молодой женщиной:

— «Основаніе тутъ, братъ, жизнь. Жить хочетъ женщина; а мы съ тобой такъ только, въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей, участвуемъ въ этомъ

дѣлѣ. И роли-то наши самая пустыя: ты ей нуженъ былъ для того, чтобы освободиться отъ матери, я ее отъ тебя освободилъ, а отъ меня ужъ она сама освободилась; теперь ей никто не нуженъ, —сама себѣ госпожа»...

Да! Молодая женщина хочетъ жить полной свободной жизнью. Она, какъ видимъ, освободилась отъ мужа и мужъ (отдадимъ ему справедливость) не пользуется имѣющеюся въ его рукахъ возможностью удержать жену. Молодая женщина ищетъ полноты жизни и, какъ слѣдуетъ ожидать отъ развитой женщины, ищетъ ее въ дѣлѣ самомъ честномъ и жизненномъ, въ трудѣ на расширеніе женской жизни. Она бросаетъ свое теплое, свитое уже гнѣздо, мужа, котораго еще недавно любила, всѣ удобства привольной жизни—и идетъ *туда*... Что же ждетъ ее въ этомъ *тамъ*? Попадетъ-ли она въ эту мелкоту, которая, по выраженію Рязанова, всѣ дѣла справляетъ и пріютитъ, и порядки ей свои и артели укажетъ? Или она попадетъ въ другой болѣе трезвый и сдержанный кружокъ?

Приведенная нами повѣсть не говоритъ о дальнѣйшей участи Щетининой, какъ Рязановъ не даетъ ей самой отвѣта, на жадно выпрашиваемый ею вопросъ—«что дѣлать»? Но позднѣйшая литература уже отвѣтила на этотъ вопросъ и отвѣтила нѣсколько иначе чѣмъ романъ носящій это заглавіе. Мы знаемъ, что Щетинину встрѣтитъ умогительная борьба, что ей удастся, можетъ быть, создать какое-нибудь маленькое дѣло для себя, но что общему дѣлу она принесетъ мало пользы или

по крайней мѣрѣ пользу отрицательную. Тяжелыми усилиями и почти непреодолимыми препятствіями, встрѣчающими одинокихъ труженицъ, ничтожностью достигаемыхъ результатовъ, она можетъ быть докажетъ, какъ доказываютъ намъ много другихъ героинь современныхъ повѣстей, ту мысль, которую мы имѣли уже случай высказать въ одномъ литературномъ произведеніи, что единичныя усилия отдельныхъ лицъ мало помогаютъ дѣлу, что для этого нужны общія усилия всѣхъ женщинъ и, что важнѣе всего, усилия правильно организованныя и разумно руководимыя.

И требованія современной женщины по счастью таковы, что эта организація не нуждается ни въ какой тайнѣ и не можетъ ожидать неодолимыхъ препятствій...

VIII.

И т о г ъ.

Подведемъ итогъ тѣмъ окончательнымъ выводамъ, къ которымъ привелъ насъ критическій анализъ, сдѣланный нами героинямъ русской литературы.

Этотъ рядъ героинь начинается, какъ бы по заказу, именно такой дѣвушкой, которую прежде всего должно было выставить общество временъ нравственнаго упадка, временъ общества чисто «свѣтскаго», въ которомъ женщины не дошли ни до какихъ серьезныхъ вопросовъ, въ которомъ имъ чуждо строгое и критическое отношеніе къ ка-

кимъ либо сторонамъ жизни, кромѣ стороны чисто внѣшней—соблюденія приличія. Для свѣта Софья Павловна Фамусова—красивая, умная, прекрасно воспитанная и образованная дѣвушка, строгой нравственности; въ нее влюбленъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ молодыхъ людей того времени, но она дурачить этого человѣка потому, что онъ эксцентриченъ, что «этихъ въ немъ особенностей бездна» и свѣтъ ей рукоплещетъ; она идеаль приличной московской свѣтской дѣвушки и завидной невѣсты. Въ сущности же Софья Павловна невѣжественнѣйшая, неразвитая дѣвушка, умѣющая только говорить по-французски. Она не понимаетъ къ чему ѣздить за границу учиться и искать ума; любить она ничтожнѣйшаго и презрѣннѣйшаго человѣка, или лучше сказать и не любить, а развратничаетъ отъ скуки съ нимъ, потому что этотъ человѣкъ подъ рукой, потому что съ нимъ всего легче скрыть отъ всѣхъ свои развратныя свиданія. Она не прочь даже выйти за него замужъ, потому что по нравственной ничтожности Молчалинъ совершенно олицетворяетъ сложившійся у московскихъ барынь того времени идеаль мужа—мужа безгласнаго, мужа лакея для посылокъ и сопровожденія на балъ. Наконецъ самая Немезида, самая трагическая судьба, разразившаяся надъ преступной нарушительницей свѣтскаго устава, вполне дорисовываетъ и героиню и ея сферу. Немезида эта сплетня,—скандалезная хроника, воплотившаяся въ какую-то княгиню: «Ахъ Боже мой, что станетъ говорить княгиня Марія Алексѣевна! восклицаетъ Фамусовъ, и выше этого страшнаго

наказанія нѣтъ ничего ни для Софьи, ни для ея отца.

Слѣдующая героиня, Татьяна, переноситъ насъ изъ столицы въ деревню и показываетъ русскую дѣвушку почти современную Софьи въ ея, еще такъ сказать, сыромъ видѣ, мало попорченную гувернантками въ родѣ м-мъ Розье и сферой столичнаго свѣта. И эта дѣвушка, не смотря на свою дикость и малоразвитость прелестна; въ ней есть сила, есть страстность. У нея только нѣтъ еще никакихъ требованій отъ жизни, никакого на нее строгаго взгляда, ее не заботятъ никакіе вопросы, кромѣ вопроса женщины-производительницы: вопроса о возлюбленномъ. Но и тутъ она уже, и по природнымъ качествамъ и по воспитанію на романахъ, является нѣсколько разборчивой: ее окружаютъ много уѣздныхъ вздыхателей, но она не удовлетворяется ими, она ждетъ чего-то лучшаго и этотъ лучшій является въ лицѣ, дѣйствительно замѣчательномъ по тогдашнему времени—въ сосѣдѣ Онѣгинѣ. Дѣвушка полюбила его и отдается вся своему чувству. Не смотря на свою стыдливость и на понятія окружающей среды, она сама признается Онѣгину въ своей любви и если-бы Онѣгинъ сказалъ ей, что любить ее, но не можетъ на ней жениться—мы не думаемъ, чтобы Таня задумалась надъ всякимъ самопожертвованіемъ. Но Онѣгинъ не любитъ Тани и честно ей это высказываетъ. Тогда жизнь Тани надломилась—и не мудрено! У Тани не было никакихъ цѣлей и надеждъ кромѣ любви, и когда эту любовь обстоятельства вырвали у дѣвушки, она дѣлается без-

участной къ жизни и слѣпо отдается теченію. Теченіе это въ лицѣ матери и совѣта сосѣдей присуждаютъ Таню отдать замужъ, ее вывозятъ про-сватывать и выдаютъ; она не сопротивляется: ей все равно. Но жизнь беретъ свое. Татьяна оправилась отъ утраты, дѣтей у нея нѣтъ, натура съ задатками силы требуетъ дѣятельности и княгиня Татьяна увѣровала въ божество свѣта. Она со строгостью весталки отдалась служенію этому свѣту и его понятію о долгѣ, не выработавъ этого понятія собственнымъ опытомъ, не провѣривъ даже его, а принявъ на вѣру въ томъ видѣ, какъ оно сложилось у массы. И вотъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣсто любящей искренней деревенской дѣвушки, мы находимъ холодную нравственную ханжу, строгую блюстительницу свѣтскихъ приличій, нѣчто въ родѣ княгини Маріи Алексѣевны. Она отталкиваетъ отъ себя давно и глубоко любимаго человѣка и жертвуетъ своимъ чувствомъ соблюденію той «формальной» вѣрности мужу, которая не мѣшаетъ стремиться мыслью къ одному и отдаваться въ то же время другому.

Женщины романа «Герой нашего времени» — времени еще большаго нравственнаго упадка, не представляютъ намъ и тѣхъ рѣзкихъ и своеобразныхъ чертъ, которыя мы видимъ въ Татьянѣ. Онѣ витаютъ, разумѣется, исключительно въ области любви, но въ своихъ идеалахъ ищутъ «интересности». Понятіе объ интересности мѣняется съ временемъ и мѣстностью, но русская интересность того времени представляется чистымъ сумбуромъ. Она заключалась въ смутномъ стремленіи «къ чему-то», въ страданіяхъ

«по чемъ-то», и вся эта туманность должна быть облачена въ изящную наружность, обладать взоромъ общающимъ пылкую страсть и особенное блаженство. Женщинамъ названнаго нами романа попадаетъ Печоринъ, человѣкъ нѣсколько глубже ежедневной интересности, но и онъ плѣняетъ женщинъ не тѣмъ, чѣмъ онъ глубокъ, не трагизмомъ, который въ немъ шевелится и слышится, а именно своей «интересностью во всѣхъ отношеніяхъ», и если-бы не было Печорина, то эту должность могъ бы испрашивать и Грушницкій,—человѣкъ «просто интересный». И вотъ дѣвушка, полюбившая Печорина мгновенно вмѣсто любви пылаетъ къ нему ненавистью, какъ скоро узнаетъ, что Печоринъ не имѣетъ «благородныхъ намѣреній», а замузняя женщина, при любви къ которой «благородныхъ намѣреній», питать не полагается, отдается ему не только не разрывая связи съ первымъ мужемъ, но даже по смерти одного выходитъ, продолжая любить Печорина, за другого. Положимъ, Печоринъ не говоритъ княжнѣ о своихъ неблагородныхъ намѣреніяхъ; а просто объясняетъ, что онъ не любитъ ее, но говоритъ тоже самое и Вѣрѣ, и княжна, какъ и Вѣра, очень хорошо понимаетъ, что это вздоръ, что это только своего рода интересность и что любить «безъ благородныхъ намѣреній», т. е. не на законномъ основаніи Печоринъ вовсе не прочь. Княжна Мери и Вѣра—женщины совершенно одного закала, только у первой нервы нѣсколько еще повѣрѣнче нежели у послѣдней и читатель увѣренъ, что если-бы любящая Вѣра была дѣвушкой, то отвѣчала бы ему какъ Мери, а если бы Мери была

замужемъ то, по всей вѣроятности, оказалась бы столько же бессильной какъ и Вѣра передъ взоромъ, «общающимъ безконечное блаженство». Онѣ обѣ, Мери и Вѣра, обращая на себя вниманіе какъ образецъ существовавшего въ то время—да невымершаго и до днесь—ложнаго отношенія женщины къ мужчинѣ, мелкоты ея отъ него требованій и израженности нравственныхъ понятій, такъ что выведенная въ томъ же романѣ совершенная дикарка и дитя природы черкешенка Белла стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ головой выше ихъ. Да и вообще настоящій разборъ доказываетъ намъ, что свѣтскій слой общества рѣшительно неблагопріятенъ у насъ для развитія женщины. Прежде всего мы это видѣли на Софьѣ Фамусовой, потомъ на Татьянѣ, которая при переселеніи изъ деревенской глуши въ высшій столичный кругъ измѣняется такъ невыгодно для себя. Въ Мери и Вѣрѣ мы не находимъ тоже никакого задатка къ строгому и разумному взгляду на жизнь. Какъ будто для подтвержденія этого факта является и Маша (изъ Затишья). Маша—первая въ русской литературѣ вполнѣ цѣльная и строгая по природѣ дѣвушка, которая смотритъ на мужчину какъ на дѣятеля и обращается къ нему съ умной требовательностью. И дѣвушка эта не только всецѣло принадлежитъ деревнѣ, но еще одной изъ самыхъ глухихъ захолустьевъ—«затишью». Дочь помѣщика, она даже не барышня. Она не болтаетъ по-французски, не любитъ читать—разумѣется романовъ, потому что другаго чтенія у дѣвицъ тогда не было,—не любитъ свѣта, а любитъ работать, дѣлать что-либо. Этотъ выводъ нисколько не говоритъ,

что необразованность и неразвитость лучше образованія; невѣжество и малоразвитость были одинаковы и въ барскомъ домѣ маленькаго помѣщика и въ барскихъ палатахъ столичныхъ тузовъ; только первыя были грубѣе и обнаженнѣе, а вторыя лучше замазаны внѣшнимъ лоскомъ. Но выводъ доказываетъ, что когда общество одинаково невѣжественно, то тѣ счастливыя натуры, на здравый умъ которыхъ менѣе всего вліяли установленныя въ массѣ предразсудки и узкія понятія, отдаваясь этому собственному здоровому смыслу и влеченію естественныхъ чувствъ стоятъ по своему развитію несравненно выше, несравненно болѣе удовлетворяютъ разумнымъ требованіямъ жизни, чѣмъ натуры извращенныя вліяніемъ всѣтадныхъ понятій невѣжественнаго и натертаго только снаружи общества. Маша полюбила человѣка, въ которомъ живая натура и маленькіе забавляющіе таланты обѣщали—и не въ глазахъ только любящей дѣвушки—высокодарованнаго дѣятеля. Но въ человѣкѣ, этомъ не оказалась никакой стойкости, никакой привычки къ труду. Маша это замѣчаетъ, и не смотря на глубокою любовь свою постоянно настойчиво требуетъ, отъ своего избраннаго дѣла. Она требуетъ его тѣмъ настойчивѣе, что по ея понятіямъ общественная дѣятельность существуетъ только для мужчины, что женщинѣ сужденъ только узкій кругъ домашней жизни и помощницы своего избраннаго, что ей, женщинѣ, какъ она выразилась, «можно не думать о будущемъ». И кто, вспомнивъ время, въ которое жила Маша, время, когда и для мужчинъ всякая

независимая дѣятельность была почти невозможная осудить ее за эти понятія?

Но никакія побужденія Маши не въ состояніи были вдохнуть силу и стойкость въ изломаннаго и жиденькаго человѣка, котораго по несчастію полюбила она. А между тѣмъ эта любовь Маши была для нея все. Это не была любовь свѣтскихъ женщинъ, ищущихъ въ ней только развлеченія. Дѣвушка, съ такой сильной натурой, какъ Маша, не чувствуетъ въ себѣ силы мѣнять привязанность, да и кого выберетъ она въ такомъ захолустыи другаго, когда самый многообѣщающій изъ мужчинъ оказался ничтожностью? А помимо любви еще нѣтъ ничего влекущаго, живаго кругомъ бѣдной дѣвушки. Съ отъѣздомъ Веретьева, обыденная мелкая жизнь въ глуши, осенью, налегаетъ всей тяжестью своей пустоты на полную силу и жаждущую жизни дѣвушку,—и Маша не выноситъ этой удушающей пустоты; она не видитъ изъ нея выхода и предпочитаетъ смерть,—полную смерть этой медленно-мертвящей жизни. И эта смерть дѣвушки съ глубокой и сильной натурой и съ самыми честными и разумными стремленіями и смерть не въ минуту какого-нибудь порыва страсти кладетъ страшную черту, освѣщаетъ ужаснымъ свѣтомъ ту мертвящую и убивающую эпоху, въ которую суждено было жить этой дѣвушкѣ! И понимала ли Маша, что воздухъ, отравленный ядомъ Анчара, описаніемъ котораго она наслаждалась въ стихахъ Пушкина, не былъ болѣе убійственъ, чѣмъ русскій воздухъ современной ей эпохи для всякой выдающейся изъ ряда честной и сильной личности?

путь ей совершенно темень, почти неизвѣстенъ, что она могла идти по немъ только опираясь на опытную руку и что есть другіе подобные пути болѣе ей сподручныя, близкіе, на которыхъ она бы могла дѣйствовать самостоятельнѣе и сознательнѣе; она остается слѣпо вѣрна дѣлу своего возлюбленнаго, и вся отдается ему. Но не будемъ винить Елену. Нужды нѣтъ, что мысль ею выражаемая не нова, что и сама Елена напоминаетъ намъ тѣхъ русскихъ женщинъ доонѣгинской эпохи, которыя оставили имена свои не въ литературѣ, лишенной возможности рисовать ихъ образы, женщинъ, которыя тоже вырывались изъ узкой рамы хозяйки и любовницы и шли за своими избранными далеко дальше теплыхъ стѣнъ семейной жизни. Образъ Елены является намъ отраднымъ явленіемъ уже потому, что послѣ долгаго пути упадка и медленнаго возстановленія, мы видимъ русскую мысль снова на томъ уровнѣ развитія, до котораго она доходила во времена наиболѣе благопріятныя для ея развитія, что за этимъ переваломъ мы имѣли право надѣяться на дальнѣйшія и совершенно новыя въ русской жизни шаги женскаго развитія. И надежды эти оправдались: не даромъ романъ, въ которомъ явилась Елена, называется «Наканунъ». Поэтому не только хронологическому, но и нравственному порядку мы имѣемъ право назвать послѣдующихъ представительницъ развитія женской задачи, общимъ именемъ «новыхъ женщинъ».

Дѣла, представляющагося женщинѣ при ея первой попыткѣ стать на собственные ноги, было много. Прежде всего ей слѣдовало выйти изъ той узкой, оду-

ряющей атмосферы любви, куда до сихъ поръ исключительно загоняли ее, гдѣ ей воздвигали храмы, курили благовонія и дѣлали ее и жрицей и жертвой. По многимъ причинамъ мы не посвящали особой статьи женщинамъ пытавшимся разорвать сложившіяся понятія о любви, хотя вопросъ, къ разрѣшенію котораго стремились онѣ, пустилъ самыя глубокію корни въ общественной жизни и переживаетъ многіе другіе вопросы, въ настоящее время, кажушіяся инымъ, болѣе существенными. Поэтому и здѣсь мы только замѣтимъ, что однѣ изъ этихъ женщинъ пытались устранить тотъ глупый трагизмъ, который сопровождалъ и не могъ, по мнѣнію такъ называемаго образованнаго общества, не сопровождать неизбежно, какъ возмездіе, всѣ столкновенія, въ которыхъ, измѣнчивое чувство постоянно ставило женщину связанную съ однимъ когда она начинала любить другого. Иныя пытались снять съ любви и именно съ любви страстной и безумной, тотъ ореоль, которымъ окружили ее тупыя и извращенныя понятія рыцарскаго времени. Онѣ перестали смотрѣть на любовь, какъ на исключительно женское и возвышенное занятіе. Въ той страшной и безумной любви, которая, чѣмъ была сильнѣе, тѣмъ считалась возвышеннѣе, онѣ видѣли (раздѣляя впрочемъ этотъ взглядъ съ мужчинами, или даже у нихъ его заимствуя) просто страсть, т. е. не нормальное, болѣзненное состояніе, съ которымъ нужно бороться какъ съ недугомъ, какъ со всякой страстью, будетъ ли предметомъ ея вино, карты, наряды, лошади или чья нибудь личность. Иныя пытались; наконецъ, въ дѣлѣ

любви, завоевать себѣ тѣ права, которыя мужчины оставили исключительно за собою и потребность любви низводили для женщинъ, какъ и для мужчинъ въ число тѣхъ естественныхъ и обычныхъ стремленій, на которыя должно смотрѣть трезвымъ и не предубѣжденнымъ взглядомъ и не вмѣшивать въ нихъ отжившія и весьма условныя понятія какой то рыцарской чести, а замѣнять ихъ откровенной прямою и честностью дѣйствій. Иныя изъ женщинъ, сообразивъ совершенно основательно, что независимость нравственная не можетъ существовать безъ независимости матеріальной, занялись экономической стороною вопроса, — вопросомъ о собственномъ хлѣбѣ, можетъ быть забывая даже въ первомъ увлеченіи, что добываніе этого хлѣба должно быть не столько цѣлью, сколько средствомъ и что важно избавить себя отъ эксплуататоровъ, а не перемѣнять одного на другого.

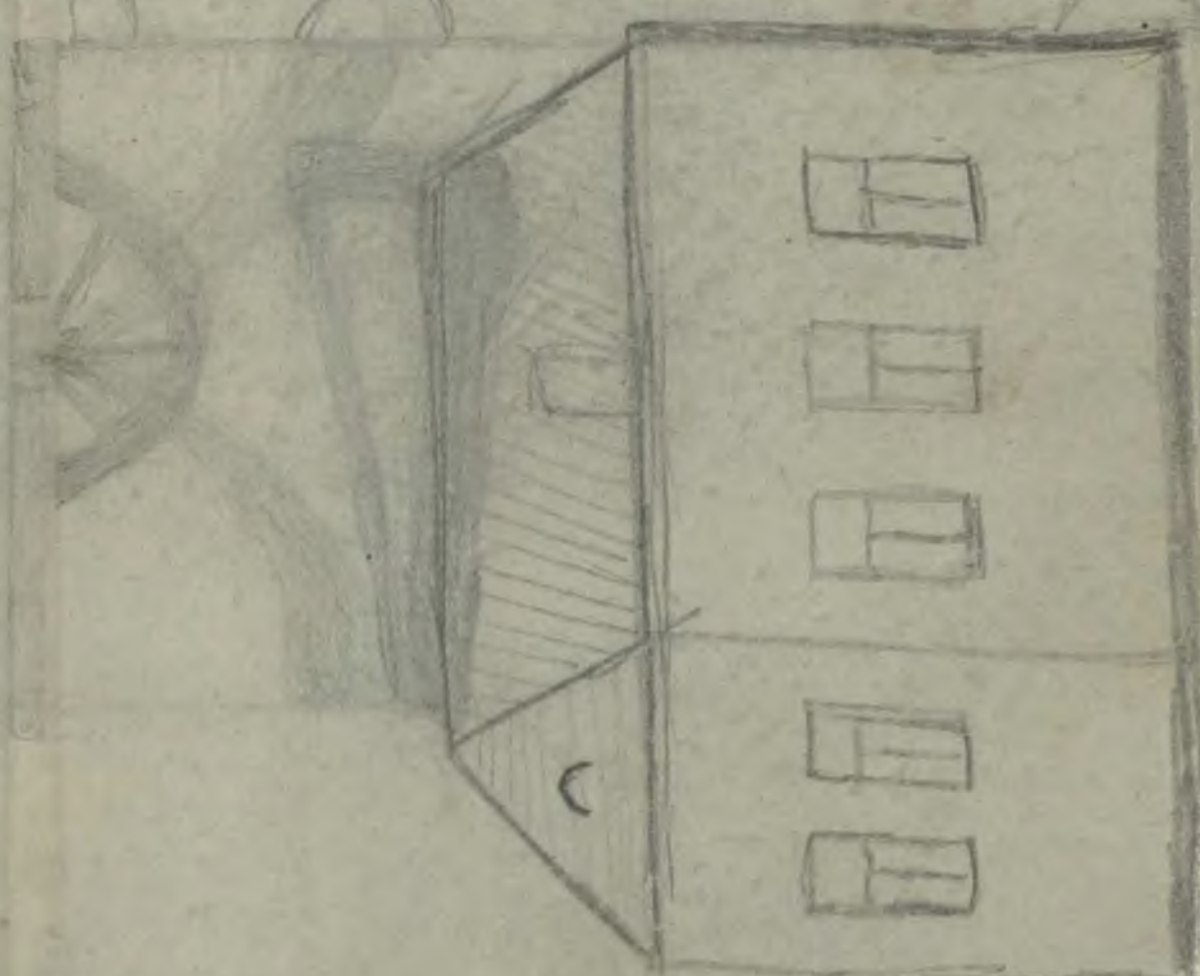
Наконецъ женщина, на которой мы болѣе всего остановили вниманіе, Марья Щетинина («Трудное время» Слѣпцова) уже стремится къ какой-то болѣе широкой дѣятельности: она еще ищетъ ее объ руку съ мужчиною, но тотчасъ бросаетъ эту руку, когда замѣчаетъ, что вожатый не удовлетворяетъ ея намѣреніямъ. Надобно однако замѣтить, что стремленія Щетининой именно вслѣдствіе своей широты страдаютъ неопредѣленностью и что пока въ самой женщинѣ не выработаются они въ ясно сознаванную и обдуманную задачу, все дѣло будетъ ограничиваться стремленіемъ и разумѣется разочарованіями. Даже при строго опредѣленныхъ и ограниченныхъ цѣляхъ, какія были, напримѣръ, у Вѣры

Павловны и другихъ,—мы видимъ, что цѣли эти постоянно не достигаются, что усилія поступательнаго движенія не въ состояніи преодолѣть встрѣчаемаго сопротивленія. Изъ этого мы въ правѣ прійти къ мысли, высказанной уже нами, какъ мы замѣтили, въ одномъ литературномъ произведеніи, что одиночныя, неорганизованныя точно и разумно стремленія, долго не будутъ достигать тѣхъ здравыхъ и полезныхъ цѣлей, къ которымъ стремится современная женщина, хотя цѣли эти по существу своему такъ ясно полезны и такъ далеки отъ всякихъ мечтательныхъ преувеличеній, что при спокойномъ и настойчивомъ стремленіи не могутъ, повидимому, въ глазахъ просвѣщенныхъ людей, ни съ какой стороны ожидать неодолимыхъ препятствій.

К О Н Е Ц Ъ .

cc. 90

3000
50-1
100-10
200-10
300-10

